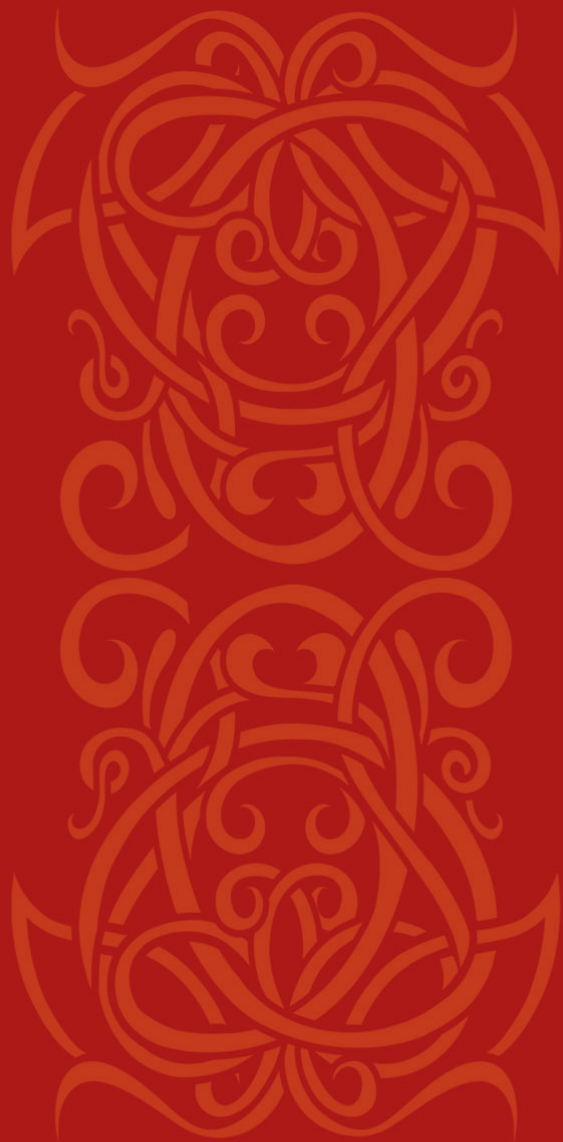

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

СЛОВА

Григорий Богослов

Слова

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Богослов Г. С.

Слова / Г. С. Богослов — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, вошел в историю Православной церкви как величайший творец христианской литературы. Сочинения святителя Григория – слова, письма, стихи и молитвы – показывают его высокое стремление быть проповедником, достойным истины Христовой. Ему был ниспослан дар слова, и святой хотел принести его в дар Богу – Слову: «Сей дар приношу я Богу моему, сей дар посвящаю Ему: - это одно, что осталось у меня и чем богат я; от всего прочего отказался я по заповеди Духа; всё, что ни имел, променял за драгоценную жемчужину. Только словом владею я, как служитель Слова; никогда добровольно не хотел бы пренебрегать этим богатством, я уважаю его, дорожу им, утешаюсь им более, чем другие утешаются всеми сокровищами мира». Книга святителя Григория Богослова «Слова» положит начало изучению великого наследия вселенского отца и учителя.

© Богослов Г. С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Слово 1, на Пасху и о своем замедлении	5
Слово 2, к призвавшим вначале, но не встретившим Св. Григория, когда он стал пресвитером	7
Слово 3, в котором Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт, по рукоположении во пресвитера и потом возвращение оттуда, также учит, как важен сан священства и каков должен быть епископ	9
Слово 4, первое обличительное на царя Юлиана	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Святитель Григорий Богослов

Слова

Слово 1, на Пасху и о своем замедлении

Слово сие говорено по следующему случаю. Когда Св. Григорий против воли был поставлен во пресвитера, с назначением вспомоществования, в управление назиданской паствой епископу, престарелому отцу его, тогда Св. Григорий, по чувству смирения и потому, что в новом назначении видел препятствие своему стремлению к жизни созерцательной, удалился было в Понт, однако немного спустя, в самый день Пасхи, он возвратился в Назиданз и произнес настоящее слово.

Воскресения день – благоприятное начало. Просветимся торжеством и обыдем друг друга. Рцем: братия, и ненавидящим нас (Ис. 66:5), кольми паче тем, которые из любви что –нибудь сделали или потерпели. Уступим все Воскресению, простим друг друга: и я (упомяну о сем теперь), подвергшийся доброму принуждению, и вы, употребившие доброе принуждение, хотя несколько и сетуете на меня за умедление. Может быть, пред Богом оно лучше и драгоценнее, нежели поспешность других. Хорошо и уклоняться несколько от призвания Божия, как в древности поступил Моисей, а после Иеремия; хорошо и поспешать с готовностью на глас Зовущего, как Аарон и Исаия, только бы то и другое было по благочестию – одно по причине собственной немощи, а другое по надежде на силу Зовущего. В день таинства помазан я; в день таинства удалился ненадолго, чтобы испытать самого себя; в день таинства и возвращаюсь,¹ избрав сей день добрым попечителем моей боязливости и немощи, дабы Воскресший ныне из мертвых и меня обновил Духом, и, облекши в нового человека, для новой твари, для рождаемых по Богу, соделал добрым образователем и учителем, который со Христом и умирает охотно, и воскресает.

Вчера заклан был Агнец, помазаны двери, Египет оплакивал первенцев; мимо нас прошел погубляющий, печать для него страшна и досточтима, и мы ограждены драгоценной кровью. Ныне мы чисто убежали из Египта, от жестокого властителя фараона и немилосердных приставников, освободились от брения и плинфodelания, и никто не воспрепятствует нам праздновать Господу Богу нашему праздник изшествия, и праздновать не в квасе ветсе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины (1 Кор. 5:8), не принося с собой египетского кваса безбожного. Вчера я распинался со Христом, ныне прославляюсь с Ним; вчера умирал с Ним, ныне оживаю; вчера спогребался, ныне совоскресаю.

Принесем же дары Пострадавшему за нас и Воскресшему. Может быть, вы думаете, что я говорю о золоте, или о серебре, или о тканях, или о прозрачных и драгоценных камнях. Это вещество земное, преходящее и на земле остающееся, которого всегда больше имеют злые – рабы дольного, рабы миродержителя. Нет, принесем самих себя – стяжание самое драгоценное пред Богом и Ему наиболее свойственное, воздадим Образу сотворенное по образу, познаем свое достоинство, почтим Первообраз, уразумеем силу таинства² и то, за кого Христос умер. Уподобимся Христу, ибо и Христос уподобился нам; соделаемся богами ради Него, ибо и Он стал человеком для нас. Он восприял худшее, чтобы дать лучшее; обнищал, чтобы нам обогатиться Его нищетой; принял зрак раба, чтобы нам получить свободу; снисшел, чтобы нам воз-

---

¹ Под днем таинства или, как в подлиннике, под словом таинство разумеется в первом случае праздник Рождества Христова, во втором – праздник Богоявления, в последнем – Пасха.

² Настоящего праздника.

несть; был искушен, чтобы нам победить; претерпел бесславие, чтобы нас прославить; умер, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь к Себе долуж лежащих в греховном падении. Пусть кто все отдаст, все принесет в дар Тому, Который предал Себя за нас в цену искупления, – ничего не принесет он равного тому, как если представит Ему самого себя, разумеющего силу таинства и соделавшегося всем для Христа, как Он для нас.

Сей³ пастырь добрый, полагающий душу за овцы, вам, как видите, плодотворит Пастыря. Ибо сего надеется он, и желает, и просит от вас, пасомых им.⁴ Он дает вам себя сугубого вместо одного и жезл старости делает жезлом духа, к неодушевленному храму присовокупляет одушевленный,⁵ к храму прекрасному и небовидному – другой, который как бы ни был скуден и мал, но для него, без сомнения, весьма дорог, и совершен им с великими усилиями и трудами, и (о, если бы можно было сказать!) достоин трудов его. Все свое предлагает он вам, – какое великодушие или, справедливее сказать, какое чадолубие! Предлагает седину и юность, храм и архиерея, завещателя и наследника, предлагает слова,⁶ которых вы желали, и слова не пустые, теряющиеся в воздухе и не проникающие далее слуха, но которые пишет Дух, не чернилами, но благодатью, напечатлевает на скрижалях каменных или плотных, – слова, не слегка на поверхности начертываемые и удобно изглаждающиеся, но глубоко врезающиеся. Вот что приносит вам сей досточтимый Авраам, патриарх, честная и достоуважаемая глава, вместилище всех доблестей, образец добродетели, совершенство священства, приносящий ныне добровольную жертву Господу – своего единородного, рожденного по обетованию.

А вы, как дар и плод, принесите Богу и нам расположение быть доброй паствой, вселяясь на месте злоче и воспитываясь на воде упокоения (Пс. 22:1, 2). Хорошо зная пастыря и будучи им знаемы, идите за тем, кто зовет пастырски и свободно, через дверь, а не следуйте чуждому, перескакивающему через ограду, разбойнически и коварно. Не слушайте чуждого гласа, похищающего от истины и расточающего по горам, по пустыням, по дебрям, по местам, которых не посещает Господь, – гласа, отводящего от здоровой веры в Отца и Сына и Святого Духа, во едино Божество и силу; веры, которой вещанию всегда внимали и да внимают всегда мои овцы; не слушайте гласа, который нечистыми и поврежденными словами отторгает и увлекает от истинного и первого Пастыря. Далече от всего того, как от зелья чарующего и смертоносного, да дарует Он всем нам – и пастырям и стаду – и питаться, и питать, и всем ныне и в вечном упокоении быть едино во Христе Иисусе. Ему слава и держава во веки. Аминь.

³ Отец Св. Григория.

⁴ разумеется желание отца Св. Григория, чтобы сей последний был его преемником.

⁵ Под неодушевленным храмом разумеется храм, созданный отцом Св. Григория, под одушевленным – сам Григорий.

⁶ Здесь разумеются слова Св. Григория Богослова.

Слово 2, к призвавшим вначале, но не встретившим Св. Григория, когда он стал пресвитером

Что не спешите к нашему слову, о други и братия, некогда столь скорые для того, чтобы принудить меня и извлечь из моей твердыни, то есть из пустыни, которую я возлюбил паче всего, которую я преимущественно читил и избрал себе руководительницей всей жизни как содейственницу и мать божественного восхождения, как обожительницу? Для чего то, что желали получить, пренебрегаете по получении? Для чего, по – видимому, лучше умеете желать нас, когда нас нет, нежели пользоваться от нас, когда мы с вами, как будто вы хотели только овладеть нашим любомудрием, а не извлекать из него пользу себе? Или же прилично мне сказать и сие: быхом вам в сытость (Ис. 1:14), и притом – странное дело! – прежде, нежели вы нас вкусили и испытали. Даже, как странника, вы не ввели меня или, скажу сострадательнее, не введены и вы со мною, для чего если не другое что, то заповедь уважить надлежало. Как начинающему, не дали вы мне руководства, как боязливому, не ободрили меня, как потерпевшего насилие, не утешили; напротив того, – не хотел бы сказать, однако скажу, – и праздник не в праздник вы мне сделали, не с добрым предвестием вы меня приняли и торжество растворили печалью, потому что доставало при нем самого важного для удовольствия – доставало вас, моих победителей, несправедливо было бы сказать: любителей. Так удобно пренебрегается все, что удобно препобеждается; раболепно читится высокое и бесчестится смиряющееся пред Богом. Чего вы хотите? Судиться ли мне с вами или стать судьей? Произнести ли приговор или подвергнуть себя приговору? Ибо надеюсь, что и, судимый, одержу верх, и, произнося суд, праведно вас осужу. Вина ваша в том, что вы не равной мерой воздаете за мою любовь, не отдаете чести моему послушанию и нынешнего усердия не представляете в поруку за будущее, тогда как и при сем усердии едва ли бы можно было положиться на будущее, потому что у всякого более горячности в начале. Напротив того, каждый из вас предпочитает что – нибудь и старому, и новому своему пастырю, не уважая седин и не ободряя юности.

Великолепна изображаемая в Евангелии вечеря (Мф. 22:2 и след.): угощающий ласков; там и друзья, и самое приятное пиршество; это брак Сына. Но Царь созывает, а гости не приходят. Он гневается, и – умалчиваю о том, что было за сим, как о предвещающем грозное, но скажу, что легче выговорить, – Царь наполняет пиршество другими. Не желаю вам сего; но вы поступили со мной (могу ли говорить кротко?) и тех высокомернее и дерзостнее; потому что они, будучи званы, отреклись от вечера и оскорбили Звавшего; а вы не чужие, вы не званные на брак, но сами призвали меня, сами привлекли к сей священной трапезе, сами показали мне великолепие брачного чертога и потом оставили меня. Таковы ваши великие доблести! Кто на село свое, кто к паре волов новокупленных, кто к новобрачной супруге, кто за чем – либо другим маловажным – все вы рассеялись и убежали, не заботясь ни о брачном чертоге, ни о Женихе. Сие весьма опечалило и привело меня в затруднение, – не умолчу о своих чувствованиях, – я едва не удержал слово, которое хотел принести в брачный дар, как лучшее и драгоценнейшее свое достояние, и едва не обратил слова против вас, возлюбленные; потому что однажды я потерпел от вас насилие и мог воспользоваться таким прекрасным случаем; притом язык мой изошряла любовь, которая бывает весьма горяча и неистощима в обвинениях, когда превращается в ревность, оскорбившись неожиданным пренебрежением. Ежели кто из вас был уязвлен любовью и испытал презрение, то он знает силу сей страсти и простит тех, которые подверглись ей и были близки к такому же безумию.

Впрочем, мне и теперь непозволительно укорять вас, и не желаю, чтобы когда – нибудь было позволено. Может быть, и сказанное мной чрез меру укоризненно для вас, священное

стадо, достохвальные овцы Христовы, Божие достояние, которым богат ты⁷ при всей своей бедности. Мне кажется, что прилично отнести к тебе сии слова Писания: вервь пролегла для тебя по прекрасным местам, и удел твой всего приятнее для тебя (Пс. 15:6). Я не уступлю ни в чем преимущества перед нами самым многочисленным городам, самым обширным из паств; хотя мы малочисленны в наименьшем колене сынов Израилевых, хотя мы весьма малочисленны в тысячах Иудиных; мы – малый из городов Вифлеем, в котором рождается Христос, и ныне и издревле право познаваемый и почитаемый; мы Отца превозносим, Сына почитаем равным Ему и Духа Святого сопрославляем. Мы единокорны, единомыслим, нимало не оскорбляем Троицы ни приложением, ни отсечением, как худые распорядители и мерители Божества, которые унижают и оскорбляют все тем самым, что одно почитают более надлежащего.

Если же хотите чем –нибудь воздать мне вы, нива моя, виноград мой, утроба моя или, лучше, сего общего нашего отца, который благовествованием породил нас во Христе, то окажите уважение и мне, как требует того справедливость; потому что я предпочел вас всему, в чем свидетели сами вы и поручившие мне сие правление или служение. И если возлюбившему больше и обязаны мы больше, то как измерю любовь, к которой я обязал вас моей любовью?

Но большее уважение оказывайте к самим себе, почитите вверенный вам образ и Вверившего оный, почитите страсти Христовы и надежду будущей жизни. А для сего храните веру, которую приняли, в которой воспитаны, которой надеетесь сами спастись (1 Кор. 15:1:2) и других спасти, ибо знаете, что немногие могут похвалиться тем же, чем и вы. Благочестие поставляйте не в том, чтобы часто говорить о Боге, но в том, чтобы больше молчать; ибо язык, не управляемый разумом, преткание для людей. Всегда держитесь той мысли, что безопаснее слушать, нежели говорить; возжеленнее учиться, нежели учить о Боге; тщательнейшее о сем исследование предоставляя строителям слова, сами выказывайте благочестие менее словом, а более делом и обнаруживайте любовь свою к Богу более соблюдением заповедей Его, нежели удивлением к Законодателю; убегайте зла, преуспевайте в добродетели, духом живите, духом ходите, Им привлекайте ведение; назидайте на основании веры не дрова, сено, тростие – вещество слабое, которое легко может истребиться, когда дела наши будут судимы или очищаемы огнем, но золото, серебро и камень честно (1 Кор. 3:12) – вещества твердые и пребывающие. Так поступайте, а тем прославляйте и нас, будете ли с нами или не будете, нашими ли будете пользоваться словами или найдете что –нибудь другое предпочтительнее. Будьте чистыми и непорочными чадами Божиими среди рода лукавого и развращенного, не опутывайтесь сетями нечестивых, окрест ходящих, и не связывайтесь пленицами своих грехов (Притч. 5:22); слово Божие да не будет подавлено в вас заботами житейскими, чтобы вам не остаться бесплодными. Но идите царским путем, не уклоняясь ни направо, ни налево, и под руководством Духа шествуйте узким путем, как пространном. Тогда все у нас будет благоуспешно и в настоящей жизни, и на будущем испытании во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

---

⁷ Здесь Св. Григорий обращается к отцу своему.

Слово 3, в котором Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт, по рукоположении во пресвитера и потом возвращение оттуда, также учит, как важен сан священства и каков должен быть епископ

Я побежден и признаю над собой победу. Повинулся Господеви, и умолих Его (Пс. 36:7). Так да начнет слово мое блаженнейший Давид или, лучше сказать, Вещавший в Давиде и еще доныне через него Вещающий! Ибо для начинающего всякое слово и дело самый лучший порядок – и начинать Богом, и оканчивать Богом.

О причине же моего прежнего противления и малодушия, по которому я удалился бегая, и водворился (Пс. 54:8) на немалое время вдали от вас, может быть и желавших моего пребывания у вас, а равно и о причине настоящей моей покорности и перемены, по которой я сам возвратился к вам, пусть всякий говорит и думает по – своему; так как один ненавидит, а другой любит, иной не извиняет, а другой даже одобряет меня. Людям всего приятнее рассуждать о чужих делах, особенно если увлекаются или благорасположением, или ненавистью, в каком случае всего чаще и скрывается от них истина. Но я, отложив стыд, представлю истину и для обеих сторон, то есть для обвиняющих меня и для защищающих, усердно буду правдивым посредником, сам себя в ином обвиняя, а в ином оправдывая. И чтобы слово мое шло в надлежащем порядке, скажу сперва о том, что было со мной прежде – о моей боязливости. Ибо не могу снести, чтобы мной соблазнялись некоторые из наблюдающих тщательно за всеми моими поступками, правильны ли они или нет (так как Богу угодно, чтобы и я значил нечто для христиан), а соблазнившихся, если найдутся таковые, уврачую сим защитительным словом. Всего лучше не полагать другим преткновения или соблазна, не погрешая и даже не подавая подозрения, сколько сие возможно и сколько достанет сил ума; потому что знаем, какое неизбежное и тяжкое наказание определил Неложный (Тит. 1:2) соблазненным и единого от малых. Но я подвергся сему, братия, не по неведению и недоразумению, напротив того (похваюсь хотя несколько) – по другим причинам, а не потому, чтобы презирал Божии законы и повеления.

Как в теле, иное начальствует и как бы председательствует, а иное состоит под начальством и управлением, так и в Церквах (по закону ли справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующего) Бог постановил, чтобы одни, для кого сие полезнее, словом и делом направляемые к своему долгу, оставались пасомыми и подначальными, а другие, стоящие выше прочих по добродетели и близости к Богу, были пастырями и учителями к совершению Церкви и имели к другим такое же отношение, какое душа к телу и ум к душе, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно телесным членам, соединено и сопряжено в один состав, совокуплено и связано союзом Духа, представляло одно тело, совершенное и истинно достойное Самого Христа – нашей Главы. Посему не думаю, чтобы безначалие и беспорядок были полезнее порядка и начальства, как для всего прочего, так и для людей; напротив того, всего менее полезны они людям, которым угрожает опасность в важнейшем. Для них, если не соблюдут первого требования разума, чтобы не грешить, важно второе, чтобы согрешившие возвращаемы были на истинный путь. А поелику хорошо и справедливо быть начальником и подначальным, то, по моему мнению, равно худо и в одинаковой мере противно порядку как всем желать начальства, так и никому не принимать оно на себя. Когда бы все стали избегать сего начальствования или, правильней назвать, служения, тогда бы прекрасной полноте Церкви недоставало бы значительнейшего и она не была бы уже прекрасной. Притом где и кем совершалось бы у нас таинственное и горе возводящее богослуже-

ние, которое у нас всего превосходней и досточтимей, если бы не было ни царя, ни князя, ни священства, ни жертвы (Ос. 3:4), ни всего того, чего, как важнейшего, были лишены непокоривые древле в наказание за великие преступления? С другой стороны, нисколько не странно и не вне порядка, что многие богомудрые из подначальных восходят на степень начальника; сие не вопреки правилам, какие предписывает любомудрие, и не предосудительно; равно как и то, что искусному корабельщику дают управлять корабельным носом, а тому, кто, управляя носом, умеет наблюдать ветры, поверяют кормило; или (если угодно еще) мужественный воин делается начальником отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряжение всеми военными делами.

И я не степени сана устыдился, желая высшей, что, может быть, подумает иной из людей ни к чему не годных и злых, которые судят о других по собственным своим страстям. Я не так мало разумею и Божие величие, и человеческую низость, чтобы для всякого сотворенного естества не признавать великим делом хоть сколько – нибудь приближаться к Богу, Который един всего светозарнее, всего славнее и превосходит чистотой всякую вещественную и невестественную природу.

Итак, что же со мной произошло? Какая была причина моего непослушания? Многим казалось, что я был тогда сам не в себе, сделался совершенно иным человеком, а не каким меня знали, противился и упорствовал больше, нежели сколько было позволительно. Посему выслушайте тому причины вы, которым давно желательно их знать.

Особенно поражен я был неожиданностью, подобно человеку, поражаемому внезапным громом, не собрался с мыслями; и потому преступил скромность, к которой приучал себя всю жизнь. Потом овладела мной какая – то привязанность ко благу безмолвия и уединения. Любя его с самого начала, сколько едва ли любил кто другой из занимающихся науками, в важнейших и опаснейших для меня обстоятельствах дав Богу обет безмолвной жизни, даже коснувшись уже оной, как находившийся в преддверии, и, по изведании, восплавленный большим желанием, я не вынес принуждения, не допустил ввергнуть себя в мятежи и насильно отвлечь от такой жизни, как бы от священного убежища. Мне казалось, что всего лучше, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, собравшись в самого себя, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собой и с Богом, жить превыше видимого и носить в себе божественные образы, всегда чистые и несмешанные с земными и обманчивыми впечатлениями, быть и непрестанно делаться истинно чистым зеркалом Бога и божественного, приобретать ко свету свет – к менее ясному лучезарнейший, пожинать уже упованием блага будущего века, сожительствовать с ангелами и, находясь еще на земле, оставлять землю и быть возносиму Духом горе. Если кто из вас объят сей любовью, то поймет, что говорю, и извинит тогдашнее состояние моего духа. Но слова мои не убедят, может быть, многих, именно всех тех, кому смешным кажется сей род жизни, к которому они не расположены или по собственному неразумию, или потому, что иные проходят его недостойно; подкрепляемые завистью, также злонаравием и поползновением многих на худшее, они и хорошее именуют худым, любомудрие называют тщеславием. А от сего непременно погрешают в одном из двух – или делают зло, или не верят добру.

Сверх сего, произошло со мной еще нечто (открою перед вами всю мою тайну): не знаю, благородно ли это или нет, однако же так было. Мне стыдно было за других, которые, будучи ничем не лучше прочих (если еще не хуже), с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело и прежде, нежели сделались достойными приступить к священству, врываются во святилище, теснятся и толкаются вокруг Святой Трапезы, как бы почитая сей сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию, не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим отчета. И такие люди, скудные благочестием, жалкие в самом блеске своем, едва ли не многочисленнее тех, над кем они начальствуют; так что с продолжением времени и сего зла не останется, как думаю, над кем им и начальствовать, –

когда все будут учить вместо того, чтобы, как говорит Божие обетование, быть наученными Богом (Ис. 54:13), все станут пророчествовать и, по древнему сказанию, по древней притче, будет и Саул во пророках (1 Цар. 10:11). Иные пороки по временам то усиливались, то прекращались; но ничего никогда и ныне, и прежде не бывало в таком множестве, в каком ныне у христиан сии постыдные дела и грехи. Но ежели не в наших силах остановить стремление зла, то по крайней мере ненавидеть и стыдиться его есть не последняя степень благочестия.

Но вот последняя причина, которая важнее приведенных; ибо касаюсь уже главнейшего в слове и не солгу (что было бы и непозволительно рассуждающему о таком предмете); я не думал и теперь не думаю, чтобы одно и то же значило водить стадо овец или волов и управлять человеческими душами. Там достаточно и того, чтобы волы или овцы сделались самыми откормленными и тучными. А на сей конец пасущий их будет выбирать места, обильные водой и злачные, перегонять стада с одного пастбища на другое, давать им отдых, поднимать с места и собирать иных жезлом, а большую – часть свирелью. У пастыря овец и волов нет другого дела; разве иногда придется ему повоевать немного с волками и присмотреть за больным скотом. Всего же больше озабочивают его дуб, тень, свирели и то, чтобы полежать на прекрасной траве, у студеной воды под ветерком устроить на время из зелени ложе, иногда со стаканом в руке пропеть любовную песнь, поговорить с волами или овцами и из них же, что пожирнее, съесть или продать. А о добродетели овец или волов никто никогда не позаботится. Ибо что у них за добродетель? И кто из пастухов предпочитал собственному удовольствию полезное для стада? Но человеку, который с трудом умеет быть под начальством, еще, кажется, гораздо труднее уметь начальствовать над людьми, особенно иметь такое начальство, каково наше, которое основывается на Божием законе и возводит к Богу, в котором чем больше высоты и достоинства, тем больше опасности даже для имеющего ум. И он, во – первых, подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всяком обстоятельстве и деле не должен звучать, как поддельная и нечистая монета, не должен нисколько содержать в себе вещества худшего, которое бы требовало сильнейшего огня. Иначе тем большее произойдет зло, чем над большим числом людей будет он начальствовать; потому что порок, распространяющийся во многих, значительнее порока, остановившегося на одном. И не так удобно ткань принимает в себя невыводимую краску и близкие вещи занимают одна от другой зловоние или благовоние, не так быстро разливается в воздухе и из воздуха сообщается животным какое –нибудь вредное испарение, производящее заразу и называемое заразой, как подчиненные в скорейшем обыкновенно времени принимают в себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку – добродетель. В сем порок и берет особенно верх над добродетелью. И я всего более скорблю при мысли, что порок есть дело, удобно возбуждающее к соревнованию и без труда исполняемое, что всего легче сделаться порочным, хотя бы никто нас в том не руководствовал; напротив того, стяжание добродетели есть дело редкое и трудное, хотя бы и многое к ней влекло и побуждало. Сию самую мысль, как думаю, имел и блаженнейший Аггей, когда приведен был к сему чудному и весьма верному изображению. «Вопросите иереев о законе, – говорит он. – Священное мясо, прикоснувшееся к ризе, к какому –нибудь яству, или питию, или сосуду, освятит ли тотчас, что к нему приблизилось?» И когда иереи сказали: «Нет», – «вспросите еще, – говорит. – Когда что –либо прикоснется к нечистой вещи, не тотчас ли примет в себя скверну?» На сие они сказали: «Примет и по причине сообщения не будет уже чистым» (Агг. 2:13, 14). Что значит сие? То же, что и я говорю. Добродетель неудобоприемлема для человеческой природы, как и огонь для влажного вещества; но большая часть людей готовы и способны принимать в себя худое, подобно тростнику, который, по сухости своей, легко воспламеняется и сгорает при ветре от искры. Ибо всякий скорее принимает в себя в большей мере малый порок, нежели высокую добродетель в малой мере. Так небольшое количество полыни тотчас сообщает горечь свою меду, а мед и в двойной мере не сообщает полыни своей сладости.

сти. Выдерни малый камень – он повлечет за собой всю реку на открытое место; удержать же и преградить ее едва возможен самая твердая плотина.

Итак, первое, чего из сказанного нами бояться должно, есть то, чтобы нам не оказаться худыми живописцами чудной добродетели, особенно же негодным подлинником для других живописцев, может быть и не худых, но многих, или чтобы нам не подойти под пословицу: беремся лечить других, а сами покрыты струпями. Во – вторых, если бы кто из нас сохранил себя, даже сколько можно более чистым от всякого греха, то не знаю еще, достаточно ли и сего готовящемуся учить других добродетели. Кому вверено сие, тот не только не должен быть порочным (сим гнушаются и многие из подчиненных ему), но должен отличаться добродетелью, по заповеди, повелевающей уклониться от зла и сотворить благо (Пс 36:27). Он обязан не только изглаждать в душе своей худые образы, но и напечатлеть лучшие, чтобы ему превосходить других добродетелью больше, нежели сколько он выше их достоинством. Он должен не знать даже меры в добре и в восхождении к совершенству, почитать не столько прибылью то, что приобретено, сколько потерей то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда в ступень к высшему и невысоко думать о себе, если и многих превосходит, но признавать уроном, если не соответствует в чем сану. Ему должно измерять успехи свои заповедью, а не примером ближних (порочны ли они или успевают несколько в добродетели), не взвешивать на малых весах добродетель, какой обязаны мы Великому, от Которого все и для Которого все, не думать, что всем прилично одно и то же; так как не у всех один и тот же возраст, одни и те же черты лица, не одинакова природа животных, не одинаковы качества земли, красота и величие светил. Напротив того, должно почитать пороком в частном человеке то, что произведено им худого, заслуживает наказания и строго истязуется самым законом, а в начальнике и предстоятеле даже – то, что он не достиг возможного совершенства и не преуспевает непрестанно в добре, потому что ему надобно превосходством своей добродетели привлекать народ к порядку, и не силой обуздывать, но доводить до порядка убеждением. Ибо все, что делается недобровольно, кроме того, что оно насильственно и непохвально, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растению, насильно согнутому руками, как скоро бывает оставлено на воле, обыкновенно возвращается в прежнее свое положение. Напротив того, что делается по свободному произволению, то, как скрепляемое узами сердечного расположения, и весьма законно, и вместе надежно. Посему закон наш и Сам Законоположник особенно повелевает пасти стадо не нуждею, но волею (1 Пет. 5:2).

Положим даже, что иной непорочен и взошел на самый верх добродетели, все еще не вижу, каким запасишься знанием, на какую понадеявшись силу, отважится он на такое начальство. Ибо править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, по моему мнению, действительно есть искусство из искусств и наука из наук. В чем всякий может удостовериться, если врачевание душ сравнит с лечением тел, изведает, сколько трудно последнее, и разберет, сколько наше врачевание еще труднее, а вместе и предпочтительнее, и по свойству врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания. Одно трудится над телами, над веществом бrenным и стремящимся долу, над веществом, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя теперь с помощью искусства и преодолется произошедшее в нем расстройство; ибо тело, уступив природе и не выходя из своих пределов, будет разрушено или болезнью, или временем. А другое печется о душе, которая произошла от Бога и божественна, которая причастна горнего благородства и к нему поспешает, хотя и сопряжена с худшим (может быть, и по другим причинам, какие известны единому Богу, сопрягшему ее с телом, и разве еще тому, кто самим Богом научен таковым тайнам, но сколько знаем я и подобные мне люди) для двух следующих целей. Во – первых, чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвиг и за борьбу с дольным и, быв здесь искушена ими, как золото огнем, получила уповаемое в награду за добродетель, а не только как дар Божий. И, конечно, в том верх благодати Божией, что добро соделано и нашей собственностью, не только всеяно в нас с естеством, но возделывается

также нашим произволением и движениями свободы, преклонной на ту и другую сторону. Во – вторых, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горе, чтобы она, став руководительницей для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же, чем Бог для души.

Врачующий тело принимает во внимание место, случай, возраст, время года и тому подобное, дает лекарства, предписывает образ жизни, предостерегает от вредного, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству; иногда же, когда и над кем нужно, употребляет прижигания, резание и другие еще более жестокие способы лечения. Хотя все сие оказывается очень трудным и тяжелым, однако же не столько, как наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведение, свободное произволение и все в нас тому подобное, исторгать, что приросло к нам зверского и дикого, а на место сего вводить и укоренять все, что есть кроткого и благородного, устанавливать надлежащее отношение между душой и телом, не попуская, чтобы лучшее управлялось худшим, что было бы величайшей несправедливостью, но низшее по природе подчиняя начальственному и владычественному, как, без сомнения, требует Божий закон, прекрасно постановленный для всего творения и видимого, и сверхчувственного.

В рассуждении всего исчисленного мной примечаю еще и то, что охраняемое врачом тело каково есть по своей природе, таковым и остается, само же собой нимало не злоумышляет и не ухищряется против средств, употребляемых искусством; напротив того, врачебное искусство владеет веществом, разве иногда произойдет какой – либо временный беспорядок от воли больного, что, впрочем, нетрудно предотвратить и пресечь. А в нас мудрование, самолюбие и то, что не умеем и не терпим легко уступать над собой победу, служат величайшим препятствием к добродетели и составляют как бы ополчение против тех, которые подают нам помощь. Сколько надлежало бы прилагать старания, чтобы открыть врачуящим болезнь, столько употребляем усилия, чтобы избежать врачевания. Мы храбры против самих себя и искусны ко вреду своего здоровья. То рабски скрадываем грех, утаивая его в глубине души, как некоторый загноившийся и злокачественный струп, как будто, сокрывши от людей, сокроем и от великого ока и суда Божия; то под различными предлогами извиняем в себе грехи и придумываем оправдания своим страстям; то, заградивши слух, подобно аспиду глухому и затыкающему уши, принимаем все меры, чтобы не слышать гласа обавающих (Пс. 57:5, 6) и не пользоваться врачевствами мудрости, которыми исцеляется душевный недуг; то, наконец (как поступают более смелые и храбрые из нас), явно не стыдимся ни греха, ни врачуящих грех, идем, как говорится, с открытой головой на всякое беззаконие. Какое расстройство ума! Или как еще приличнее назвать такую болезнь! Кого надлежало бы любить, как благодетелей, гоним от себя, как врагов, ненавидя обличающих во вратах (Агг. 2:15), гнушаясь словом праведным (Ам. 5:10), и подобно тем, которые, терзая собственную плоть, думают, что терзают плоть ближних, предполагаем нанести тем больший вред своим доброжелателям, чем больше зла сделаем сами себе.

Посему то полагаю, что наше врачебное искусство гораздо трудней, а следственно, и предпочтительней искусства врачевать тела; но оно трудней еще и потому, что последнее мало заглядывает вглубь, более же занимается видимым; напротив того, наше врачевание и попечение все относится к потаенному сердца человеку (1 Пет. 3:11) и наша брань со врагом, внутри нас воюющим и противоборствующим, который, оружием против нас употребляя нас же самих (что всего ужасней!), предает нас греховой смерти. А для сего нам нужны великая и совершенная вера, в большей мере Божие содействие, но не в малой также, как убежден я, и собственная наша ревность, выражаемая и действительно оказываемая словом и делом, если нужно, чтобы наши души, которые для нас всего предпочтительнее, хорошо были врачуемы, очищаемы и ценимы дороже всего.

Что же касается до цели того и другого врачевания (нам остается еще сличить их в сем отношении), то цель одного – или сохранить здоровье и благосостояние плоти, когда оно есть,

или возвратить, когда оно утрачено, хотя и неизвестно, полезно ли сие будет обладающему здоровьем. Ибо и противоположное сему часто приносило великую пользу, равно как нищета и богатство, слава и бесславие, унижение и знатность, также все, что по природе своей занимает середину, не преклоняясь ни на ту, ни на другую сторону, делается лучшим или худшим по употреблению и произволу обладающих. Но цель другого врачевания – окрылить душу, исхитить из мира и предать Богу, сохранить образ Божий, если цел, поддержать, если в опасности, обновить, если поврежден, вселить Христа в сердца (Еф. 3:17) Духом – короче сказать, того, кто принадлежит к горнему чину, соделать богом и причастником горнего блаженства. Сего хотят для нас и пестун закон, и посредствующие между Христом и законом пророки, и Совершитель и конец духовного закона – Христос, и истощившее Себя Божество, и восприятая плоть, и новое смешение – Бог и человек – единый из Божества и человечества, и чрез Единого то и другое. Для сего Бог примесился к плоти через посредство души, и далекое между собой совокуплено через сродство посредствующего с тем и другим; все соединилось в единое за всех и за единого праотца – душа за душу преслушную, плоть за плоть, покорившуюся душе и вместе осужденную, Христос, не причастный греху и высший греха, за Адама, бывшего под грехом. Для сего ветхое заменено новым, страданием возван страдавший, за каждый наш долг воздано особо Тем, Кто превыше нас, и открылось новое таинство – человеколюбивое Божие смотрение о падшем через непослушание. Для сего рождение и Дева, для сего ясли и Вифлеем; рождение вместо создания, Дева вместо жены, Вифлеем вместо Едема, ясли вместо рая, малое и видимое вместо великого и сокровенного. Для сего Ангелы, славящие небесного, соделавшегося потом земным, пастыри, видящие славу на Агнце и Пастыре, звезда путеводствующая, волхвы поклоняющиеся и приносящие дары, чтобы прекратилось идолослужение. Для сего Иисус приемлет крещение и свидетельство свыше, для сего постится, бывает искушаем и побеждает победившего. Для сего изгоняются демоны, исцеляются болезни и великое дело проповеди поручается малым и совершается ими. Для сего мятутся народы и люди помышляют тщетное. Для сего древо за древо и руки за руку – руки, мужественно распростертые, за руку, невоздержно простертую; руки пригвожденные – за руку своевольную, руки совокупающие воедино концы мира – за руку, извергшую Адама. Для сего вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть, тьма для света, погребение за возвращение в землю, воскресение для воскресения. Все сие было для нас Божиим некоторым детоводительством и врачеванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас плод древа познания, безвременно и неблагоприятно вкушенный. Сего – то врачевания служители и сотрудники все мы, председательствующие пред другими, мы, для которых важно знать и врачевать собственные немощи и недуги или, вернее сказать, это еще не столько важно (но меня заставила выразиться так порочность многих, находящихся в сем сани), гораздо же важнее быть в состоянии врачевать и искусно очищать других, чтобы от сего была польза тем и другим – и имеющим нужду во врачевании, и поставленным врачевать.

Сверх сего, врачи тел должны переносить известные нам труды, бдения, заботы и, как сказал один из их мудрецов,⁸ из чужих несчастий собирать себе скорби; иное дознавая и изобретая сами, иное заимствуя и собирая у других, они должны обращать сие в пользу требующих; и что ими найдено или избегнуто, не исключая и самых малостей, для них не маловажно, но признается имеющим силу к укреплению здоровья или к отвращению опасности. И для чего все сие? Чтобы больше дней прожил на земле человек, и человек, может быть, не полезный для общества, но самый негодный, которому, по его порочности, было бы даже лучше давно умереть и через то освободиться от порока, сего величайшего недуга. Но положим, что он и добрый человек; долго ли он будет жить? Неужели всегда? И что приобретет от здешней жизни? Желать

⁸ Гиппократ.

разрешиться от нее, по моему мнению, есть первое и вернейшее благо и свойственно человеку подлинно здравомыслящему и умному. Но нам, когда мы в опасности утратить спасение души, души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность, или прославляема за добродетель, какой предлежит подвиг и какие нужны сведения, чтобы хорошо и других уврачевать, и самим уврачеваться, чтобы исправить образ жизни и персть покорить духу? Ибо не одинаковы понятия и стремления у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселого и печального, у больного и здорового, у начальников и подчиненных, у мудрых и невежд, у робких и смелых, у гневливых и кротких, у стоящих твердо и падающих. А если еще разберем подробнее, то какое различие между вступившими в супружество и безбрачными! И у последних опять между пустынножителями, между находящимися в общежитиях и между остающимися в мире! Между опытными и преуспевшими в созерцании и между теми, которые просто исполняют должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми делом и живущими праздно, между претерпевшими измену счастья и благоуспешными, не встречавшими неудач! Все таковые различествуют между собой желаниями и стремлениями – иногда более, нежели сколько они различны по телесному виду, или (если угодно) по сочетанию и растворению стихий, из которых мы состоим; и потому не легко иметь над ними смотрение. Но как телам не одинаковые даются лекарство и пища – иное пригодно здоровому, иное больному, – так и души врачуются различным образом и способом. Свидетелями такового врачевания – сами болящие. Одних назидает слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других – узда; ибо одни ленивы и неудобоподвижны к добру, и таких должно возбуждать ударами слова; другие сверх меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим далее цели, и таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для одних полезна похвала, для других укоризна, но та и другая – вовремя; напротив того, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет увещание, других – выговор, и последний или по всенародном обличении, или по тайном вразумлении. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если укорят их при многих; другие же при гласности обличений теряют стыд, но их смиряет тайный выговор, и за такое снисхождение к себе воздают они благопокорностью. Иные, надмеваясь мыслью, что дела их тайны, о чем они и заботятся, считают себя умнее других, и в таких надобно тщательно наблюдать все, даже самые маловажные поступки; а в других лучше иного не замечать, и, как говорится, видя не видать, слыша не слышать, чтобы, подавив их ревностью обличений, не возбудить к упорству и, напоследок, не сделать дерзновенными на все, истребив в них стыд – сие средство ко внушению покорности. Иногда нужно гневаться, не гневаясь, оказывать презрение, не презирая, терять надежду, не отчаиваясь, сколько сего требует свойство каждого; других должно врачевать кротостью, смирением и соучастием в их лучших о себе надеждах. Одних полезно побеждать; от других часто полезнее быть самому побежденным; и хвалить или оуждать должно у иного достаток и могущество, а у иного – нищету и расстройство дел. Ибо наше врачевство не таково, каковы добродетель и порок, из которых первая всегда и для всех всего лучше и полезнее, а последний всего хуже и вреднее; у нас одно и то же, например: строгость или кротость, а равно и прочее, мной исчисленное, не всегда даже для одних и тех же оказывается или самым спасительным, или опасным. Напротив того, для иных хорошо и полезно одно, а для иных другое, первому противное, сообразно тому, думаю, как требуют время и обстоятельства и как допускает нрав врачуемого. Хотя, сколько бы кто ни употреблял тщания и ума, невозможно всего изобразить словом и обнять мыслью в такой подробности, чтобы вкратце был виден весь ход врачевания; однако же на самом опыте и на деле делается то известным и врачебной науке, и врачу. Вообще же известно нам, что как для ходящего по высоко натянутому канату не безопасно уклоняться в стороны и малое, по – видимому, уклонение влечет за собой большее, безопасность же его зависит от равновесия, так и в нашем деле,

кто, по худой жизни или по невежеству, уклоняется в ту и другую сторону, для того очень опасно, что и сам он впадет в грех, и вовлечет в него управляемых. Напротив того, должно идти самым царским путем и остерегаться, чтобы, как сказано в Притчах, не уклониться ни на десно, ни на шуе (Притч. 4:27). Таково свойство наших немощей, и от сего столько труда доброму пастырю, обязанному хорошо знать души своих пасомых и быть вождем их по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно истинного нашего Пастыря.

Что же касается до самого раздаяния слова (скажу напоследок о том, что составляет первую нашу обязанность, и разумею слово Божественное и высокое, о котором ныне все любо-мудрствуют), то, ежели кто другой приступает к делу сему с дерзновением и почитает оное доступным для всякого ума, – я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию!) такого человека. Для меня кажется не простым и не малого духа требующим делом каждому даяти во время житомерия (Лк. 12:42) слова и с рассуждением вести домостроительство истины наших догматов, то есть нашего любомудрого учения о мирах или мире, о веществе, о душе, об уме и умных существах, как добрых, так и злых, о Промысле, все связующем и распоряжающем всеми событиями, как согласными с разумом, так по – видимому и противоречащими дольнему – человеческому уму; также о первоначальном нашем устроении и о последнем воссоздании, о прообразовании и истине, ими прообразуемой, о заветах, о первом и втором Христовом пришествии, о воплощении, страданиях и смерти Христовой, о воскресении, о кончине мира, о суде и воздаянии – и грозном, и славном, а что главное – о том, чему должно веровать – о начальной, царственной и блаженной Троице. В сем догмате для обязанных просвещать других всего опаснее, чтобы нам, из опасения многобожия заключив Божество в одну Ипостась, не оставить в учении своем одних голых имен, признав за одно Отца, и Сына, и Святого Духа, а также, через уклонение в противное разделив Божество на трех или разнородных и друг другу чуждых, или неподчиненных и безначальных, так сказать, противоположных Богов, не впасть в равное первому зло, подобно тому, что бывает с кривым деревом, которое чрез меру гнут в противную сторону. А как ныне в учении о Боге три недуга: безбожие, иудейство и многобожие, и из них защитником первого – ливийский Савеллий, второго – александрийский Арий, а третьего – некоторые из числа чрез меру у нас православных, то какое же мое учение? Избегая всего, что есть вредного в сих трех ложных учениях, держаться в пределах благочестия. И во – первых, не увлекаться в безбожие Савеллия, следуя его новому разложению и сложению, по которому либо утверждают не столько то, что Ипостаси суть одно, сколько то, что каждая – ничто (ибо выступающее из себя и переходящее взаимно друг в друга перестает уже быть тем, чем оно есть), либо воображают и составляют себе какого – то сложного и странного Бога, подобного баснословным животным. Во – вторых, не уклоняться в иудейскую скудость, рассекая естества с Ариевым, справедливо так называемым, умоисступлением, и не приписывать Божескому естеству зависти, ограничивая Божество одним Нерожденным, как бы из опасения, чтобы Бог не потерпел ущерба, будучи Отцом истинного и равночестного по естеству Бога. Наконец, не вводить избегнутого уже нами языческого многоначалия и трех начал как одного другому не противополагать, так и одного с другим не сопоставлять. Не должно быть такими любителями Отца, чтобы даже отнимать у Него отечество; ибо чьим был бы Он Отцом, если бы Сын или наравне с тварью был отделен от Него и разъединен с Ним по естеству (потому что чуждое уже не Сын), или был смешан и слит с Отцом и, что то же значит, сливал Его с Собой? Не должно быть и такими любителями Христа, чтобы у Сына не оставлять даже сыновства (ибо чьим был бы Он Сыном, если бы не имел началом Отца), а у Отца не оставлять преимущества быть началом принадлежащего Ему как Отцу и Родителю. Ибо Отец был бы началом чего то низкого и недостойного или, вернее сказать, началом в низком и недостойном смысле, если бы не был началом Божества и благодати, созерцаемой в Сыне и в Духе Святом – в первом как в Сыне и в Слове, а в другом как в исходящем и неразрешаемом Духе. Необходимо нужно

как соблюсти единство Божие, так и исповедовать три Ипостаси, притом каждую с личным Ее свойством.

Чтобы достаточно и соответственно достоинству предмета уразуметь и изложить сие, для того потребно слово более продолжительное, нежели каково настоящее время и, даже думаю, какова настоящая жизнь. Особенно же, как ныне, так и всегда, потребен для сего Дух, при одном содействии Которого и можно только о Боге и мыслить, и говорить, и слушать. Ибо к чистому должно прикасаться одно чистое и ему подобное. Теперь же кратко упомянул я о сем с той целью, чтобы видно было, как трудно беседующему о таких предметах, особенно в многочисленном собрании людей всякого возраста и разных способностей, которое, подобно многострунному органу, требует неодинаковых ударений, – трудно, говорю, найти слово, которое бы всех назидало и озаряло светом ведения. Трудно уже и потому, что как опасность с трех сторон, то есть от мысли, слова и слуха, то невозможно не преткнуться, если не во всем, по крайней мере в чем – либо одном. Ибо если ум не просвещен, или слово слабо, или слух не очищен и потому не вмещает слова, от одной из сих причин так же, как и от всех, необходимо хромает истина. Но трудно еще и потому, что здесь обращается во вред и опасность то самое, что для обучающихся чему – либо другому соделывает учение весьма легким и удобоприемлемым, то есть заботливость слушателей о благочестии. Ибо они, как вступающие в подвиг за учение о Боге – Существе Высочайшем и о своем спасении – первойшей для всех надежде, чем горячее в вере, тем с большим упорством внимают слову, почитая покорность оному не благочестием, но изменой истине, и скорее готовы отказаться от всего, нежели от своих мыслей, с которыми пришли, и от привычки к догматам, в которых воспитаны. И замечу еще, что это недуг людей более умеренных и не совершенно худых, которые, хотя погрешают против истины, однако же, как подвергающиеся сему из заботливости о благочестии и имеющие ревность, только не по разуму, может быть и не так строго будут осуждены, и не так много наказаны, как отпадающие от воли Господней по злонравию и лукавству. Даже они со временем могут еще переувериться и перемениться по той же заботливости о благочестии, по которой они противились; ежели только коснется их слово и, как железо в кремь, или внутренне, или внешним образом произведет благовременный удар в их оплодотворенное уже и достойное света разумение, в котором от малой искры весьма скоро может воссиять светильник истины. Но что сказать о людях, которые по тщеславию или любоначалию неправду в высоту глаголют (Пс. 72:8), с велеречием какого – нибудь Ианния или Иамврия вооружаются не против Моисея, но против истины и восстают против здравого учения? Что сказать о третьем роде людей, которые, по невежеству и следствию оного – дерзости, с жадностью, как свиньи, кидаются на всякое учение и попирают прекрасные бисеры истины? Или о всех тех, которые не имеют у себя ни собственного мнения, ни какого – либо образца, худого или доброго, для учения о Боге, но готовы слушать всякое учение и всякого учителя, чтобы из всего выбрать лучшее и безопаснейшее, и такой выбор доверяют самим себе – худым судиям истины; а потом, переходя и возвращаясь от одной вероятности к другой, нагруженные и подавленные учениями всякого рода, переменяя многих учителей и многие писания разбросав легкомысленно, как пыль на ветер, когда утомится и слух и ум (какое безрассудство!), начинают оказывать одинаковое отвращение ко всякому учению и напечатлевают в себе гибельное правило – осмеивать и презирать самую веру нашу, как нечто нетвердое и не имеющее в себе ничего здравого, делая невежественное заключение от учащих к учению, подобно такому человеку, который, имея расстроенные глаза или поврежденные уши, винит солнце или звуки – первое, что оно темно и не блещет, а последние, что они слабы и беззвучны? Посему – то легче вновь напечатлевать истину в душе, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старым письменам, то есть после принятых худых правил и догматов, начертывать слово благочестия, в каком случае оно сливается и смешивается с первыми. Правда, что лучше идти по гладкой и битой дороге, нежели по шероховатой и не – протоптанной, и легче пахать землю, которую неоднократно резал и умягчал плуг, однако же

лучше писать на душе, которую не изборозило еще негодное учение и на которой не врезались глубоко начертания порока. Иначе благочестивому краснописцу два будут дела – изгладить прежние изображения и на место их написать лучшие и достойные сохранения. Столько в нас от лукавого лукавых образов и начертаний относительно как к прочим видоизменениям (παθη) души, так и к самому слову; и столько – то трудов для того, кому вверено сие детоводительство душ и попечение о них! Но еще большего не коснулось мое слово, чтобы не соделаться обширнее надлежащего.

Если бы кто захотел укротить и сделать ручным многовидного и многообразного зверя, составленного из многих, больших и малых, кротких и свирепых зверей, то, без сомнения, потребовалось бы много труда и усилий, чтобы управлять таким разных свойств чудовищным существом; потому что не все звери любят одинаковые звуки голоса, пищу, ласки, свист и другие способы хождения за ними; напротив того, для одних приятно и неприятно одно, а для других – другое, по природе и привычке каждого. Что же бы надлежало делать приставнику такого зверя? Конечно, то, чтобы, если хочет хорошо управиться со зверем и соблюсти его, – приобрести для сего многосторонние и разнообразные сведения и употреблять хождение, приличное каждому свойству зверя. Так, поелику общее тело Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается из многих и различных нравов и умов, то предстоятелю совершенно необходимо быть вместе как простым, относительно к правоте во всем, так, сколько можно более, многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно способным к полезной со всяким беседе. Ибо одни, по способностям младенцы и, можно сказать, еще не окрепшие, требуют себе в пищу млека, то есть самых простых и первоначальных уроков, и не могут принимать словесной пищи, приличной мужу. А если бы кто предложил им такую не по силам пищу, то, вкушивши и обременившись (когда ум, как тело младенца, недостаточен еще к тому, чтобы переварить и усвоить себе принятое), они потерпели бы ущерб даже в прежней своей силе. Другие же, достаточно обучившие чувства к различению истинного и ложного, имеют нужду в премудрости, проповедуемой между совершенными (1 Кор. 1:6), и в пище высшей и более твердой. А если бы стали напоевать их млеком и питать растениями – пищей слабых, то они совершенно по праву огорчились бы тем, что их не укрепляют по Христе, не дают им возрастая достойным похвалы возрастанием, какое производится словом, которое хорошо питаемого им совершает в мужа и приводит в меру духовного возраста. Но кто же имеет достаточные к тому силы? Мы неспособны корчемствовать словом истины и мешать вино с водой, то есть учение, веселящее сердце человеческое, с учением пошлым, дешевым, влачимым по земле, пропадающим и текущим понапрасну, как делают многие. Они, чтобы от такого корчемства получить и себе прибыль, беседуют с проходящими о том и о другом, так и иначе, в угождение всякому, подобно каким – нибудь чревовещателям и суесловам, для собственной своей забавы употребляют слова, из земли изглащаемые и в землю уходящие, как будто тем более они прославляются в народе, чем больше вредят себе и губят себя, проливая кровь неповинную самых простых душ, которая будет взыскана от рук наших. Напротив того, знаем, что лучше другим искуснейшим вручить бразды правления над собой, нежели быть несведущими правителями других, что лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный язык. Посоветовавшись о сем с самим собой (может быть, и не худым советником, а если и не так, то, по крайней мере, доброжелательным), я рассудил, что незнающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно делать, лучше учиться, нежели, не зная, учить. Ибо счастлив тот, до кого хотя в глубокой старости достигнет старческое слово, которое может принести пользу душе, еще юной по благочестию. А посему брать на себя труд учить других, пока сам еще не научился достаточно, и, по пословице, на большом глиняном сосуде учиться делать горшки, то есть над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям крайне неразумным и дерзким, неблагоприятным, если они не чувствуют своего невежества, дерзким, если, сознавая оное,

отваживаются на дело. Мудрейшие из евреев говорят, что у них в древности был один особенно прекрасный и похвальный закон, которым не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писания. Ибо чтение сие не было бы и полезно; потому что не всякая книга всякому с первого начала вразумительна, а заключающая в себе более глубокий смысл даже может многим, по своему внешнему смыслу, обратиться в больший вред. Напротив того, книги, которые и по внешнему смыслу назидательны, были с самого начала открыты всякому и находились в общем употреблении; а книги, которые под неважной оболочкой сокрывают таинственную красоту – награду усильных исканий и светлой жизни, – просиявающую и удобосозерцаемую только для имеющих очищенный ум, доверяемы были уже переступившим двадцатипятилетний возраст; потому что в сем только возрасте человек может стать выше чувственного и с успехом восходит от письмени к духу. Но у нас между временем, когда учить и когда учиться, нет никакого предела, подобного камням, поставленным древле между коленами за Иорданом и коленами по сю сторону Иордана. У нас не дано дозволений одним на то, другим на другое и не положено никакого правила касательно способностей; напротив того, все сие оставлено без внимания и слито. И мы так худо поступаем, что большая часть из нас (чтоб не сказать: все) почти прежде, чем острижем у себя первые волосы и оставим детский лепет, прежде, нежели войдем во двory Божии, узнаем наименования священных книг, научимся распознавать письмена и писателей Ветхого и Нового Завета (не говорю: прежде, нежели омоем душевную нечистоту и гнусность, какими покрыл нас грех), если только затвердим два или три слова о благодетелии, и то понаслышке, а не из книги, если хотя мало ознакомимся с Давидом, если умеем ловко надеть плащ или до пояса походить на философа (о, чудное председательство и велемудрие! конечно, Самуил священ и в пеленах!) – мы уже и мудры, и учителя, и высоки в божественном, первые из книжников и законников, сами себя посвящаем в небесные, желаем зватися от человек: учителю, нimalo не смотрим на букву, все хотим разуметь духовно (сколько грез! какое обширное поле пустословия!); и мы стали бы негодовать, если бы нас не очень хвалили. Таковы те из нас, которые еще скромнее и проще других; каковы же более духовные и благороднейшие? Они, если заблагорассудится им, подвергнув нас многим осуждениям и испытаниям и поставив ни во что, удаляются от нас, с презрением даже к сообществу с нами, как с людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь к кому из них, спокойно и в логическом порядке спросим так: «Скажи мне, дивный муж, ты считаешь за что – нибудь пляску и игру на свирели?» – ответят, может быть: «Конечно, считаем». – «А также считаешь за что – нибудь мудрость и быть мудрым, то есть, как мы полагаем, иметь ведение о божественном и человеческом?» И в сем уступят нам. «Что же назовешь лучшим и высшим?

Пляска ли и игра выше мудрости или мудрость несравненно выше сих искусств?» Очень знаю, они будут столько добросовестны, что даже скажут: «Мудрость выше и всех искусств». Но для пляски и игры на свирели есть науки, и им учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилия, иногда надобно тратить деньги, приискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальние путешествия, а также делать и терпеть все, чем приобретается опытность. А мудрость, которая все превосходит и заключает в себе все блага в совокупности (так что Самому Богу, хотя Он имеет многие наименования, угоднее именоваться Премудростью, нежели другим каким именем), неужели почтем для себя столь легким и незатруднительным делом, что всякому стоит только захотеть, и будет мудрым? Большое невежество так думать! Но если мы (или кто другой учение и умнее нас) начнем говорить с ними таким образом, чтобы понемногу рассеять их заблуждение, то все сие будет то же, что и сеять на камне или говорить в уши глухому. Так мало в них мудрости даже на то, чтобы сознать свое невежество. И мне кажется, прилично сказать о них Соломоново слово: есть лукавство, еже видех под солнцем, мужа непщевавша себе мудра быти (Еккл. 10:5; Притч. 26:12), и, что еще хуже, получившего право учить других, когда не чувствует собственного невежества. Если какой недуг, то сей именно достоин слез и рыдания. И я неоднократно жалел о сем, очень зная, что

самоуверенность отнимает у человека большую часть того, чем он есть, и что тщеславие бывает для людей величайшим препятствием к добродетели. А уврачевать и остановить болезнь могут разве Петр или Павел – великие ученики Христовы, которые со властью управлять словом и делом получили дар благодати и были всем для всех, да всех приобщают. Для нас же, прочих людей, не мало важно, если будем хорошо управляемы и руководимы теми, кому вверено исправление таких дел и распоряжение ими.

Но поелику упомянул я о Павле и о подобных ему, то, если угодно, оставив всех прочих, кто только сделался знаменитым – или как законодатель, или как пророк, или как военачальник, или как заведовавший другой какой –нибудь частью общественного благоустройства, не говоря, например, о Моисее, Аароне, Иисусе Навине, Илие, Елисее, судиях, Самуиле, Давиде, о всем сонме пророков, об Иоанне, о двенадцати учениках и их преемниках, из которых каждый со многими трудами и усилиями проходил в свое время звание начальника, – умолчав о всех них, одного Павла представлю свидетелем моего слова, чтобы из его примера видеть, что значит иметь попечение о душах и кратковременных ли занятий, малых ли требует сие сведений! А чтобы удобнее сие узнать и понять, послушаем, что говорит о Павле сам Павел.

Не буду говорить об его трудах, бдениях, страхах, злостраданиях от голода, жажды, холода и наготы, о злоумышлениях против него неверных, о противодействиях ему верных. Умалчиваю о гонениях, сонмищах, темницах, узах, обвинителях, судилищах, ежедневных и ежечасных смертях, о кошнице, о метаниях камнями, о биениях палками, о странствовании, об опасностях и на суше, и на море, и во глубине морской, о кораблекрушениях, об опасностях на реках, об опасностях от разбойников, от сродников, об опасностях между лжебратии, о пропитании трудами рук своих, о бескорыстном благовествовании, о том, как Павел был позорищем для ангелов и человеков, когда, стоя между Богом и человеками, за человеков подвизался и к Богу приводил и присоединял народ избранный. Кроме сих внешних подвигов, кто достойным образом опишет ежедневную его попечительность, сердоболние о каждом, заботливость о всех церквях, ко всем сострадательность и братолюбие? Претыкался ли кто, и Павел чувствовал немощь. Другой соблазнялся, а Павел приходил в воспламенение. А его неутомимость в учении, разнообразие способов врачевания – то человеколюбие, то опять строгость, то смешение и растворение и человеколюбия и строгости, так что ни кротостью не расслабляет, ни суровостью не ожесточает! Он излагает законы рабам и господам, начальникам и подчиненным, мужам и женам, родителям и детям, супружеству и безбрачию, воздержанию и роскоши, мудрости и невежеству, обрезанию и необрезанию, Христу⁹ и миру, плоти и духу. За одних благодарит, других укоряет; одних именует своею радостью и венцом, других обличает в безумии. Кто ходит право, тем сопутствует и соусердствует; а кто ходит лукаво, тех останавливает. Он то отлучает, то утверждает любовь (2 Кор. 2:8); то плачет, то веселится; то напоевает млеком, то касается тайн; то снисходит, то ведет с собой на высоту; то угрожает палицей (1 Кор. 4:21), то объекает духом кротости; то возносится с высокими, то смиряется с смиренными. Иногда он меньший из апостолов, а иногда обещает представить доказательство, что в нем глаголет Христос. Иногда желает отыти и жрен бывает (2 Тим. 4:6), иногда признает более нужным для верующих пребывать ему во плоти. Ибо ищет не собственной пользы, но пользы чад, которых родил во Христе благовествованием; такова цель и всякого духовного начальства – во всем презирать свое для пользы других! Павел хвалится немощами и скорбями; как бы некоторым убранством, украшается мертвостью Иисусовой; он высок и по плоти, но радуется о духовных дарах; он не невежда в познании, хотя говорит о себе, что видит сквозь тусклое стекло и гадательно. Бодр духом и изнуряет тело, истощая его, как противника; а вместе не научает ли и не вразумляет ли тем и нас не превозноситься земным, не надмеваться ведением, не восставлять плоти против духа? Он за всех ратоборствует, за всех молится, о всех ревнует,

⁹ Живущим по Христе.

за всех воспламеняется – и за тех, которые вне закона, и за тех, которые под законом; он проповедник язычников, предстатель иудеев. Он дерзал и на нечто большее за братьев своих по плоти (о, если бы и мне, говорящему сие, дерзнуть на нечто подобное!). Павел молит, по любви своей к братьям, чтобы они вместо него приведены были ко Христу. Какое величие души, какая горячность духа! Он подражает Христу, бывшему за нас клятвой, воспринявшему на Себя наши немощи, понесшему наши болезни, или, скажу скромнее, он первый после Христа не отрекается страдать за иудеев, и притом как нечестивый, только бы они спаслись. Но к чему перечисляю подробности? Живя не для себя, но для Христа и для проповеди, распяв себе мир и распявшись миру и всему видимому, Павел все почитает маловажным и низким для своего желания, хотя от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнит благовествование (Рим. 15:19), хотя восхищен будет до третьего неба, соделается зрителем рая и слышателем неизглаголенных для нас глаголов. Таков Павел, таков всякий подобный ему духом! Но мы боимся, чтобы в сравнении с ними не быть юродивыми князьями Танесовыми (Ис. 19:11), или приставниками пожинающими, или ложно ублажающими народ, прибавлю даже, ублажаемыми, и стези ног ваших возмущающими (Ис. 3:12), или ругателями господствующими, или начальниками юными, несовершенными умом и не имеющими столько пищи и одеяния, чтобы предводительствовать каким ни есть числом людей (3:4–7), или пророками, учащими беззаконная (9:15), или князьями не покоряющимися (1:23), которые вместе с отеческими постановлениями достойны злоречия по жестокости голода (8:21), или священниками, весьма далекими от того, чтобы глаголати в сердце Иерусалиму (40:2), так как за все сие сильно порицает и обличает очищенный серафимом и углем Исаия. Итак, неужели, хотя дело сие так важно и так многотрудно для сердца чувствительного и скорбного, хотя оно действительная моль костем (Притч. 14:30), даже для человека с умом, однако опасность не велика и последствия не заслуживают внимания?

Но на меня наводят великий страх, с одной стороны, блаженный Осия, когда говорит, что нас, священников и начальников, ожидает суд, яко пругло¹⁰ быхом на страже, и якоже мрежа распростерта на Итавирии (Ос. 5:1), воткнутая ловцами душ человеческих, и угрожает пожать непотребных пророков (5:6), истребить огнем судей их (7:7), удержаться на время, еже помазати царя и князя (8:10), потому что они царствовали сами собой, а не Богом (8:4); а с другой стороны, божественный Михей, который не терпит, чтобы Сион созидаем был кровью, чьими бы то ни было, и Иерусалим неправдами, чтобы старейшины его на дарех судили, жерцы на мзде отвещавали, и пророцы на серебре волхвовали (Мих. 3:10, 11). И чем угрожает за сие? Сион яко нива изорется, Иерусалим яко овощное хранилище будет, и гора дому якоже луг дубравный вменится (3:12). Оплакивая же такое оскудение добрых правителей, что едва остается где колос или стебель, когда и князь просит, и судия говорит из угождения, и восклицая почти следующими словами великого Давида: спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный (Пс. 11:1), – пророк возвещает, что за сие оскудеют у них блага, как бы поядаемые молию (Мих. 7:4). А Иоиль заповедует нам плач; он хочет, чтобы служащие жертвеннику бились (Иоил. 1:13) в тяж – кое время голода; он вовсе далек от того, чтобы дозволить нам роскошь среди бедствия других, не только повелевает освятить пост, проповедать цельбу, собрать старцев и младенцев (2:15, 16) – сии жалкие возрасты, но требует, чтобы священники шли в храм в пепле и вретисах, с глубоким смирением поверглись на землю, яко опустеша поля (1:10) от бесплодия, извержеся жертва и возлияние из дому Господня (1:9), и таким уничтожением привлекли милость. А что скажет Аввакум? Его речь пламеннее, он с негодованием обращается к Самому Богу и как бы вопиет на Владыку Христа за неправду судей, говоря: Доколе, Господи, воззову, и не услышиши? возопию к Тебе обидимь, и не избавиши? Вскую мне показал еси труды и болезни, смотри ти страсть и нечестие? противу мне бысть суд, и судия возьмет. Сего ради разо-

¹⁰ Петля.

рися закон, и не производится в совершение суд (Авв. 1:2–4). За сим у пророка угроза и следующие слова: видите презорливии, и смотрите, и чудитесь чудесем, и исчезните: понеже дело Аз делаю (1:5). Но нужно ли приводить все слова угрозы? Напротив того, по моему мнению, лучше присовокупить к сказанному, как Аввакум, вызвав сперва на среду и оплакав многих учинивших что – либо несправедливое и худое, вызывает, наконец, начальников и учителей злонравия, называя порок развращением мутным, опьянением и заблуждением ума, и говорит, что чрез них напоеваются сим ближние, яко да взирают ко тьме душ своих и пещерам гадов и зверей (2:15), то есть обиталищам худых помыслов.

Таковы исчисленные мною пророки, и такие они предлагают нам наставления. Но справедливо ли будет оставить без внимания Малахию, который в одном месте жестоко обвиняет и укоряет священников, что презирают имя Господне (1:6), и между прочим присовокупляет, что приносят ко олтареву хлебы скверны (1:7), брашна не из начатков, что каких даров не принесли бы ни одному из начальников или, какие принеся, себя бы обесславили, такие дары, то есть хромое, недужное, растленное и вовсе нечистое и презренное, приносят Царю всяческих, когда обещают обеты; а в другом месте напоминает завет Божий с левитами – завет жизни и мира, завет боязнию бояться Господа и от лица имене Его устрашиться (2:5). Закон истины, говорит пророк о левите, бе во устех его, и неправда не обретется во устнах его: в мире исправляяй иде со Мною, и многи обрати от неправды. Понеже устне иереовы сохраняют разум, и закона взыщут от уст его. И какая высокая, а вместе и страшная тому причина! Яко Ангел Господа Вседержителя есть (2:7). Отказываюсь повторять то, что есть укоризненного в следующих за сим клятвах; я страшусь истины, но приведу, что легче выговорить, а вместе и полезно. Пророк, как бы с особенным негодованием и отвергая их священнодействия по причине их развращения, говорит: еще ли достойно призрети на жертву вашу, или прияти приятно из рук ваших (2:13)?

Как скоро вспоминаю о Захарии, трепещу его серпа, а равно и всего, что свидетельствует он против священников. Но что открывает он о знаменитом Иисусе, великом иерее, которого, изобразив сперва облеченным в ризу гнусную и неприличную, облакает потом в ризу священническую и светлую, а также и то, что говорящим и заповедающим Иисусу представлен у него ангел, – да почтено будет молчанием, как важнейшее и, может быть, столько высокое, что должно быть относимо не ко многим священникам. Впрочем, то обстоятельство, что и одесную сего Иисуса стояше диавол, еже противитися ему (Зах. 3:1), по моему мнению, не маловажно и должно внушать немалый страх и осторожность. У кого же будет столько дерзости и такое адамантовое сердце, чтобы, слыша, как пророк с настойчивостью обличает и укоряет других пастырей, не вострепетать и не смириться в себе самом? Глас плачущих пастырей, яко бедствия величие их, говорит он; глас рыкающих львов (Зах. 11:3), потому что они столько пострадали. Захария почти слышит самые рыдания, как бы уже настоящие, и плачет вместе с бедствующими. А через несколько слов говорит еще разительнее и сильнее: пасите овцы закования, яже стяжавшие закалаху, и не раскаявахуся, и продающеи я глаголаху: благословен Господь, и обогатихомся, и пастыри их не печаются ничимже о них. Сего ради не пощажду ктому на живущих на земли, глаголет Господь Вседержитель (11:4–6). И еще, простирая угрозы вместе и на начальников народа, говорит: мечу, востани на пастырей: поразите пастырей, и расточатся овцы: наведу руку Мою на пастырей (13:7); на пастырей прогневался ярость Моя, и на агнцы посещу (10:3). С такой ревностью продолжает он речь и не может удержаться от угроз; почему и опасаясь, чтобы, повторяя их по порядку, и мне не возбудить против себя ненависти.

Но так говорит Захария; о старцах же, упоминаемых у Даниила умолчим, ибо хотелось бы умолчать. Умолчим и о том, что справедливо сказано и засвидетельствовано о них Владыкой: яко изыде беззаконие из Вавилона от старец судей, иже мняхуся управлять людей (Дан. 13:5). Как без страха выслушаем Иезекииля, сего зрителя и истолкователя великих тайн и видений? Как выслушаем заповедуемое им стражам – не молчать о беззаконии, и о грядущем

на него мече (Иез. 33:6), потому что сие не принесет пользы ни им, ни согрешающим; напротив того, предусмотреть и предвестить полезно или тем и другим, когда одни скажут, а другие выслушают, или, без всякого сомнения, возвестившим? Как примем и другое его нападение на пастырей то в следующих словах: горе на горе будет, и весть на весть, и не будет видение от пророка, и закон погибнет от жерца, и совет от старец (7:26), то еще в следующих: Сыне человек, рцы ему: ты еси земля неодожимая, ниже дождь бысть на тя в день ярости. Егоже старейшины среде его, яко львы рыкающе, восхищающе хищения, души изъедающе насилием (22:24, 25), и через несколько слов: жерцы его отвергошася закона Моего, и оскверниша святая Моя, между святым и сквернавым не разлучаху, но все для них было одинаково, и от суббот Моих покрываху очи свои, и оскверняху Мя посреде себе (22:26)? Пророк угрожает разрушить стену и помазующих ю (13:15), то есть и тех, которые грешат, и тех, которые прикрывают грехи, что делают худые правители и священники, обольщающие дом Израилев, по внушению сердец своих, преданных похотям своим. Умолчу, что говорит он о тех, которые пасут самих себя, млеко ядят, волною одеваются, и тучное закаляют, а овец не пасут, изнемогшаго не поднимают, сокрушеннаго не обвязывают, заблуждающаго не обращают, погибшаго не взыскают, и крепкаго не сберегают, но оскорбляют трудом и стараются погубить; от сего овцы рассыпались по всем полям и горам, понеже не имеяху пастырей, и соделались добычей всякой птицы и всякого зверя, яко не бе взыскающаго, ни обращающаго (34:2–6). Что же потом? Сказано: живу Аз, глаголет Господь, понеже так делалось и учинена суть стада Моя в расхищение (34:8): се Аз на пастыри, и взыщу овец Моих от рук их (34:10); овец соберу и соблюду, а пастыри понесут различные наказания, каких стоят худые пастыри.

Но чтобы не продлить слова, перечисляя всех пророков и все, что сказано у каждого, пройду молчанием прочих, а упомяну только об одном, который познан еще до рождения и освящен в утробе матерней (Иер. 1:5), – это Иеремия. Он просит главе воду и очесем источник слез, чтобы оплакать как должно Израиля (9:1). А не менее того оплакивает он злонравие предстоятелей. Бог в обличение священников говорит ему: священницы не рекоша, где есть Господь, и держащий закон не ведеша Мя, и пастыри нечествоваша (2:8). А потом говорит сам пророк: обуяша пастыри, и Господа не взыскаша: сего ради не уразуме все стадо, и расточено бысть (10:21). Пастырие мнози растлиша виноград Мой, оставиша часть Мою, часть желаемую даша в пустыню непроходную (12:10). После сего снова обращает укоризну на самих пастырей: горе пастырем, иже погубляют и расточают овцы паствы Моея. Сего ради сия рече Господь к пасущим людей Моих: вы расточили есте овиы Моя, и отвергосте я, и не посетисте их, и Аз посещу на вас по лукавству умышлений ваших (23:1, 2). Иеремия хочет, чтобы воскликнули пастухи и восплакали овни овчии, яко исполнишася дние их на заколение (25:34).

Но для чего повторять мне ветхозаветное? Кто, поверив сам себя по правилам и определениям, какие Павел постановил для епископов и пресвитеров, а именно: быть трезвыми, целомудренными, не пияницами, не бийцами, назидательными, во всем неукоризненными и неприкосновенными ни к чему худому (1 Тим. 3:2, 3), – кто, говоря, не найдет себя много уклонившимся от правоты правил? А какие законы дает Иисус ученикам, посылая их на проповедь? Существенное в них, не говоря о подробностях, состоит в том, чтобы ученики таковы были по добродетели, так благоустроены и соответственны своему званию и, если должно выразиться короче, столько небесны, что благовествование не менее бы распространялось посредством их жизни, как и посредством слова. Но меня приводят в страх и укоряемые фарисеи, и обличаемые книжники. Мы, если желаем Небесного Царства, по заповеди обязаны много превосходить их в добродетели; а потому нам будет стыдно пред ними, если окажемся хуже их по своим порокам и услышим справедливые себе укоризны: змии, порождения ехиднины, вожди слепые, отцеживающие комара и поглощающие верблюда, гробы, внутри полные скверны, а извне благоукрашенные, по одной внешности чистые блюда – и другие подобные наименования, какие заслужили и получили фарисеи и книжники (Мф. 23:24–33). Такие мысли не остав-

ляют меня день и ночь, сушат во мне мозг, истощают плоть, лишают бодрости, не позволяют ходить с поднятыми высоко взорами. Сие смиряет мое сердце, сокращает ум, налагает узы на язык и заставляет думать не о начальстве, не об исправлении и назидании других (что требует избытка дарований), но о том, как самому избежать грядущего гнева и сколько – нибудь стереть с себя ржавчину пороков. Надобно прежде самому очиститься, потом уже очищать; умудриться, потом умудрять; стать светом, потом просвещать; приблизиться к Богу, потом приводить к Нему других; освятиться, потом освящать. Руководителю необходимы руки; советнику потребно благоразумие.

Когда же сие будет? – скажут скорые на все и ни в чем не твердые, легко созидющие и разрушающие. Когда светильник поставится на свечнице и на что употребится талант, то есть дар? – скажут ревностнейшие к дружбе, нежели к делу благочестия. Когда сие будет и какой дам на сие ответ вам, преименитые? В таком деле и глубокая старость – недолговременная отсрочка. Ибо седина с благоразумием лучше неопытной юности, рассудительная медлительность – неосмотрительной поспешности, кратковременное царствование – продолжительного мучительства, подобно как малая доля драгоценности предпочтительней обладания многим не имеющим цены и прочности, небольшое количество золота – многих талантов свинца, малый свет – великой тьмы. А что касается до сей поспешности, поползновенности и излишней ревности – опасно, чтобы они не уподобились или тем семенам, которые пали на камни и, будучи неглубоко в земле, тотчас взошли, но не могли вынести первого солнечного зноя, или тому основанию, положенному на песке, которое не устояло при небольшом дожде и ветре. Горе тебе, граде, в нем же царь твой юн, говорит Соломон (Еккл. 10:16). Не будь скор в словесех (Притч. 29:30) – слова того же Соломона, который говорит о скорости в словах, то есть о чем – то меньшем, нежели опрометчивость в делах. Кто же вопреки сему потребует поспешности предпочтительно безопасности и пользе? Кто возьмется, как глиняное какое – нибудь изделие, изготовляемое в один день, образовать защитника истины, который должен стоять с ангелами, славословить с архангелами, возносить жертвы на горний жертвенник, священнодействовать со Христом, воссозидать создание, восстанавливать образ Божий, творить для горнего мира и, скажу более, быть богом и творить богами? Знаю, чьи мы служители, где сами поставлены и куда готовим других. Знаю величие Божие и человеческую немощь, а вместе и силу. Небо высоко, земля же глубока (Притч. 25:3). И кто из низложенных грехом взойдет на небо? Кто, обложенный еще дольным мраком и грубой плотью, может целым умом ясно созерцать всецелый Ум, находясь среди непостоянного и видимого, вступить в общение с постоянным и невидимым? Даже из самых очищенных едва ли кто может видеть здесь хотя такой образ доброты, каково изображение солнца в водах. Кто измери горстию воду, и небо пядию, и всю землю горстию, кто постави горы в мерило и холми в весе (Ис. 40:12)? Кое место покоища Его (Ис. 66:1) и чему из всего Он уподобится? Кто сотворивший все словом, устроивший человека премудростью, соединивший разлученное, сочетававший персть с духом, сложивший живое существо – видимое и невидимое, временное и вечное, земное и небесное, касающееся Бога, но не постигающее, приближающееся и далеко отстоящее? Рех: умудрюся, говорит Соломон, и сия, то есть мудрость, удалися от мене. Далече паче неже бе (Еккл. 7:24, 25). И действительно, приложивый разум приложит болезнь (Еккл. 1:18). Он не столько радуется о найденном, сколько скорбит о непостигнутом, как обыкновенно (представляю себе) случается с людьми, которых отвлекают от воды, прежде нежели они утолили жажду, или которые, надеясь что получить, не могут схватить того руками, или от которых мгновенно скрывается озарявшее их блистание света.

Сие удержало меня долу, соделало смиренным и убедило в том, что лучше слышать глас похвалы, нежели быть истолкователем того, что превышает силы. Величие, высота, достоинство, чистые существа, с трудом вмещающие сияние Бога, Которого покрывает бездна, Которого, как чистейший и для большей части тварей неприступный свет, утаевает тьма, Который во всем и вне всего, Который есть всякая доброта и выше всякой доброты, Который просвещает

ум и убегает от быстроты и выпренности ума, столько всегда удаляясь, сколько постигается, и возлюбленного Своего возводя горе тем, что убегает и как бы вырывается из рук: таков и так важен предмет наших желаний и исканий! Таков должен быть невестоводитель, уневещивающий души. И боюсь, чтобы, связав мне руки и ноги, не извергли меня из брачного чертога, как не имеющего на себе брачного одеяния и нагло вторгшегося в круг возлежащих там, хотя и призван я от юности, даже (скажу неизвестное еще многим) к Нему привержен есмь от ложесн (Пс. 21:11), Ему принесен в дар по матернему обету, а потом и сам, когда опасности укрепили, любовь возросла и помог рассудок, Восприявшему и Спасшему меня добровольно отдал все – и имение, и знатность, и здоровье, и самый дар слова. Из всего этого извлек я ту одну пользу, что презрел сие, и нашлось у меня, чему предпочесть Христа. Слова Божии соделались для меня сладки, как соты меда; я призвал разум и дал глас свой мудрости (Притч. 2:3), учился умерять гнев, обуздывать язык, уцеломудривать око, укрощать чрево, попираť земную славу, и в этом (безрассудно говорить, однако же пусть будет сказано) стал я не хуже, может быть, многих. Вести же такую любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управление душами и, когда еще сам не научился быть хорошим пасомым, не очистил как должно, душу свою, обязаться должностью править паствою; притом в такие времена, когда, смотря на людское крушение и мятежи, всего вожаденнее – бегом бежать из общества, удалиться в надежный приют, укрыться от бури и тьмы лукавого; когда члены одного тела взаимно враждуют, когда исчезает последний остаток любви, а с другой стороны слово «иерей», потому что, по Писанию, излился уничижение на князи (Пс. 16:40), признается одним пустым именем, – и лучше, если бы оно было одно пустое имя. Ныне же (да обратится хула на главы нечестивых!) изгнан из сердца всякий страх и его место заступило бесстыдство; кто бы ни пожелал, для всякого отверсты и знание, и глубины Духа. Все мы благочестивы единственно потому, что осуждаем нечестие других, а суд предоставляем людям безбожным, повергаем святая псам, бросаем бисеры пред свиньями, разглашая божественное тем, у кого не освящены и слух и сердце. Мы сами (о жалкие!) тщательно выполняем желания врагов и не стыдимся любодействовать в начинаниях (Пс. 109:5) своих. Моавитяне и аммонитяне, которым не дозволено входить в Церковь Господню, у нас свободно ходят в самом святилище. Для всех отверзли мы не врата правды, но двери злословия и наглости друг против друга. У нас не тот совершеннее, кто из страха Божия не произносит праздного слова, но тот, кто как можно больше злословит ближнего, или прямо, или намеками, нося под языком своим труд и болезнь (Пс. 9:28) или, говоря ближе, яд аспидов (Пс. 139:3). Мы ловим грехи друг друга не для того, чтобы оплакивать их, но чтобы пересудить, не для того, чтобы уврачевать, но чтобы еще уязвить и раны ближнего иметь оправданием собственных своих недостатков. У нас признаком добрых и злых не жизнь, но дружба и несогласие с нами. Что ныне хвалим, то завтра оуждаем; что другие порицают, тому дивимся; охотно поблажаем во всем нечестию, – столько мы великодушны к пороку! Все стало как в начале, когда еще не было ни мира, ни теперешнего благоустройства и благообразия, а, напротив того, все вещи, будучи слиты и в беспорядке, имели еще нужду в образующей деснице и силе. А если угодно другое сравнение, то как во время ночной битвы, при тусклом свете луны, не различая в лицо врагов и своих, или как на морском сражении и во время бури, оглушаемые порывами ветров, кипением моря, напором волн, столкновением кораблей, ударами весел, криками начальников, столами пораженных, в недоумении, не имея времени собраться с мужеством, мы (к довершению бедствия) нападаем друг на друга и друг от друга гибнем. И не мирянин только поступает так, священник же иначе. Напротив того, мне кажется, что ныне явно исполняется изреченное древле в проклятии: якоже людие, тако и жрец (Ос. 4:9). Не один простой народ таков, а сильные, как говорится, в народе и начальники инаковы. Напротив того, они – то и ведут открытую войну со священниками, в предлог к убеждению обращая благочестие.

С кем бывает сие потому, что он стоит за веру, за самые высокие и первые истины, того не порицаю и, если сказать правду, того хвалю и сорадуюсь с ним. Я желал бы и сам быть в числе подвижающихся и ненавидимых за истину, даже похваюсь, что действительно принадлежу к сему числу. Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающего с Богом. По сему и Дух вооружает кроткого воина (Иоил. 3:11), как способного хорошо вести войну. Но ныне есть люди, которые с крайним невежеством и с наглостью сами стоят за малости и вовсе не полезные вещи и всякого, кого только могут, принимают в сообщники зла, а все сие прикрывают верой и сие достоуважаемое имя безрассудно употребляют в своих состязаниях. От сего, как и естественно, мы ненавидимы язычниками и, что всего несноснее, не можем даже сказать, что ненавидимы несправедливо. И из своих охуждают нас самые благонамеренные; нимало же не удивительно, что охуждает народ, который редко одобряет что – либо и доброе. На хребтах наших делают грешники (Пс. 128:3), и что умышляем друг против друга, то обращают против всех. Мы соделались новым позором, но не для ангелов и человеков, как мужественнейший из подвижников Павел, ратоборствовавший против начал и властей, но почти для всех ведущих худую жизнь, и во всякое время, и на всяком месте – на торжищах, на нетрезвых пиршествах, среди веселостей, среди сетований. Мы выведены даже и на зрелища народные (едва не со слезами говорю сие), нас осмеивают наряду с самыми развратными людьми, и ничто так не усладительно для слуха и зрения, как христианин, поруганный на зрелище. До сего довели нас наши междоусобия; до сего довели нас те, которые чрез меру подвижаются за Благого и Кроткого, которые любят Бога больше, нежели сколько требуется. В борьбе или в другом чем не позволено состязаться неустановленным порядком, и тот подвергается осмеянию и бесчестью, даже лишается прав победы, кто борется не по правилам или в другом чем состязается не в порядке и отступает от положенных для сего уставов, хотя бы он был самый мужественный и искусный. Неужели же подвижающийся за Христа не по Христе угодит тем Миру (Еф. 2:14), ратоборствуя за Него недозволенным образом? И донныне еще трепещут демоны при имени Христовом; сила сего имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово и Самого Христа, не стыдимся слышать, как Он почти вслух и ежедневно вопиет: имя Мое хулится вас ради во языцех (Ис. 52:5). Не боюсь я внешней брани и восстающего ныне на Церкви зверя – сей полноты лукавого,¹¹ хотя бы грозил он огнем, мечом, зверями, стремнинами, пропастями, хотя бы превзошел бесчеловечием всех когда – либо неистовствовавших, изобрел мучительнейшие известных доселе казни. На все есть у меня одно врачевство, один путь к победе, и это – похваюсь во Христе! – смерть за Христа. Но что касается до предстоящей мне брани, не знаю, что мне делать, какой искать помощи, какого слова мудрости, какого дара благодати, в какое облечься всеоружие против козней лукавого. Кто победит сего врага? Моисей ли, распростирающий руки на горе, чтобы превозмог прообразуемый и прознаменуемый крест? Или после него Иисус, на брань ополчающийся с архистратигом небесных воинств? Или Давид, то псалмопевствующий, то сражающийся пращами и от Бога препоясуемый силой на брань или имеющий персты, Богом обученные на брань? Или Самуил, то приносящий молитвы и жертвы за народ, то помазующий на царство могущего побеждать? Кто оплачет сие как должно? Иеремия ли, написавший плач об Израиле? Кто воззовет: пощади Господи люди Твоя, и не даждь достояния Твоего в укоризну, да не обладают ими языцы (Иоил. 2:17)? Кто будет молиться о нас – Ной ли, Иов и Даниил, вместе молящиеся и вместе упоминаемые (Иез. 14:14), да утишится у нас хотя несколько брань, да придем сами в себя, станем, наконец, узнавать друг друга, да не будем, вместо одного Израиля, и Иудой и Израилем, Ровоамом и Иеровоамом, Иерусалимом и Самарией – сими городами, то предаваемыми за грехи, то оплакиваемыми?

¹¹ Юлиана отступника.

Признаюсь, что я немошен для такой брани, а потому и обратил хребет, сокрыл лицо в бегстве. От полноты огорчения возжелал я сидеть в уединении и молчать, зная, что время лукаво, что отверглись возлюбленные и соделались сынами отступными мы – виноград благоветвистый, виноград истинный, плодоносный, прекрасный, возвращенный орошением свыше, и что для меня обратились в бесчестие диадема доброты моей, печать славы и венец похваления. Но если кто при всем этом смел и мужествен, то ублажаю его за смелость и мужество. Не говорю еще о брани внутренней, которая в нас самих, в наших страстях и которую воздвигают на нас, день и ночь, то явно, то тайно, сие тело смирения и рассеянность жизни, мятущая и волнующая нас посредством чувственности и временных удовольствий, и грязь персти, с которой мы смешаны, и закон греховный, воюющий против закона духовного и усиливающийся растлить в нас царский образ и все, что с ним вложено в нас божественного по происхождению. Почему едва ли кто в состоянии преодолеть влекущее долу естество, разве уже обучил себя долговременным любомудрием и постепенно отторгал от низкого и сопряженного со тьмой, что есть в душе благородного и световидного, или удостоился милости Божией, или сверх того и другого прилагал всевозможное старание вознести взор свой горе. Но пока не препобеждена мной, по возможности, персть, пока не очищен ум, пока далеко не превосхожу других близостью к Богу – небезопасным признаю принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и людьми, что составляет также долг иерея.

И чем же приведен я в такой страх? Не почитите меня боязливым сверх меры; напротив того, похвалите даже мою предусмотрительность. О самом Моисее слышу, что когда беседовал с ним Бог, хотя многие призваны на гору, и в числе их Аарон с двумя сынами священниками, и семьдесят старейшин – народоправителей, однако же повелено было, чтобы прочие поклонились издалеча, а к Богу приступил один Моисей; народу же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24:1, 2); потому что не всякий может приближаться к Богу, но только кто, подобно Моисею, способен вместить славу Божию. Да еще и прежде, при самом начале законодательства, трубы, молнии, громы, мрак, гора, вся дымящаяся, страшные угрозы, что если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (Исх. 19:13), также другие подобные грозные явления удерживали других внизу горы, и для них много было, по надлежащем очищении, слышать один глас Божий; между тем Моисей и на гору восходит, и вступает внутрь облака, и получает закон, и приемлет скрижали, для народа скрижали письмени, а для тех, которые выше народа, скрижали Духа. Слышу также о Надаве и Авиуде, что они, воскурив фимиам чуждым огнем, наказаны тем самым, в чем оказали нечестие, нашли для себя погибель в самое время и на самом месте нечестивования, и хотя отец их Аарон был пред Богом вторым по Моисее, однако же не мог спасти их (Лев. 10:1, 2). Знаю, что было со священником Илием и несколько после него с Озой. Один понес наказание за беззаконие сыновей, когда они при жертвоприношениях осмеливались прежде времени вынимать мяса из котлов, хотя отец и не одобрял такого их нечестия, а, напротив того, многократно делал им строгие выговоры (1 Цар. 2:13, 14). Другой наказан единственно за то, что коснулся кивота, увлекаемого тельцом; и хотя поддержал кивот, однако же сам погиб (2 Цар. 6:6, 7); так Бог охранял досточтимость кивота. Знаю еще, что самые телесные пороки, и в священниках и в жертвенных животных, подвергались строгому исследованию и было узаконено, чтобы совершенные приносили совершенное; а сие, как думаю, служило символом душевной непорочности. Не позволялось также ни всякому касаться священнической одежды или какого – либо священного сосуда, ни вкушать самых жертв кому не надлежало или на неприличном месте и в неприличное время, ни подделывать елей помазания и фимиам сложения, ни входить во святилище, если кто хотя мало был нечист душой и телом. Тем паче не дерзали часто входить во Свята Святых, куда доступ дозволялся только одному и единожды в год. Тем паче не смел всякий простирать взор или касаться к завесе, или к очистилищу, или к кивоту, или к херувимам. Итак, зная сие, а вместе и то, что всякий недостоин Великого Бога, Архиерея и Жертвы, если не представил он прежде себя самого Богу в жертву живую и святую,

не показал опытов благоугодного словесного служения, не принес Богу жертвы хвалы – духа сокрушенного – жертвы, какой только и требует от нас Даровавший нам все, – зная сие, мог ли я отважиться на то, чтобы приносить Ему жертву внешнюю, равнообразную (αὐτίτηλον) великим таинствам? Мог ли я облечься в образ и сан иерея, пока не освятил рук преподобными делами, пока не приобучил ока взирать здраво на тварь и единственно удивляться Творцу, а не уничтожать Создателя, пока наказание Господне не отверзло уши мои, не приложено ми ухо, еже не тяжело слышати (Ис. 50:5); не дан усерязь златый с многоценным сардийским камнем, то есть слово мудрого во ухо благопослушно (Притч. 25:12); пока уста, губы, язык не раскрылись и не привлекли Духа (Пс. 118:131), не расширились и не наполнились (Пс. 80:11) духом изрекаемых таинств и догматов, пока уста, по слову мудрости, не стали связаны божественным чувством (Притч. 15:7), чтобы им (прибавлю к сему) и растворяться благовременно, а язык не исполнился радованием, не стал органом божественного сладкопения, возбуждаемый славой, возстая рано (Пс. 56:9) и трудясь, доколе не прилпнет к гортани; пока ноги мои не поставлены на камени (Пс. 39:3), не совершены, как ноги еленей (Пс. 17:34), и стопы мои не направлены по Богу (Пс. 118:133), ни в мале, ни вовсе не проливаясь (Пс. 72:2); пока всякий член не соделался оружием правды (6:13), не отложил всякую мертвенность, пожертую животом (2 Кор. 5:4) и уступившую место Духу? У кого не воспламеняют сердца чистые, огнем искушенные словеса Божии, когда открываются ему Писания; кто не написал их трижды на широте сердца (Притч. 22:21), чтобы иметь ум Христов (1 Кор. 2:16); кто не входил в сокровенные от многих, невидимые и темные сокровищницы (Ис. 45:3), чтобы видеть их богатство и прийти в состояние обогащать других, духовная духовными сразуждающе (1 Кор. 2:13); кто не зрел еще как должно красоту Господню и не посещал храм Его, лучше же сказать, кто сам не соделался храмом Бога Живого, живым жилищем Христовым в духе; кто не познал сродства и различия между образами и действительностью, не отступил от первых и не приложился к последней, чтобы, избежав ветхости писмене, работати во обновлении духа (Рим. 7:6) и перейти совершенно к благодати от закона, исполненного духовно в измождении тела; кто опытно и умозрительно не исследовал всех наименований и сил Христовых, как высочайших и первых, так и низших и последних, принадлежащих Христу по человечеству, именно же что Он – Бог, Сын, Образ, Слово, Премудрость, Истина, Свет, Жизнь, Сила, Пара, Излияние (Прем. 7:25), Сияние, Творец, Царь, Глава, Закон, Путь, Дверь, Основание, Камень, Бисер, Мир, Правда, Освящение, Избавление, Человек, Раб, Пастырь, Агнец, Архиерей, Жертва, Первороден вся твари (Кол. 1:15), Первороден по воскресению из мертвых (18); кто без пользы слышит сии наименования и вещи, не входит в общение со Словом и не постигает, в каком отношении каждым из сих Оно есть и именуется; кто не прилагал старания и не учился уразумевать премудрость Божию в тайне сокровенную (1 Кор. 2:7); кто еще младенец, питается молоком, не сопричтен к Израилю, не вписан в воинство Божие, не способен как следует взять на себя крест Христов; кто не стал, может быть, никаким еще почетным членом тела Христова – тот неужели охотно и с радостью примет, чтобы поставили его во главу полноты Христовой? По крайней мере я не даю на сие приговора и совета. Напротив того, вижу здесь причины к самому сильному страху, и самую крайнюю опасность для сознающего, и важность преспеяния, и пагубные следствия погрешения в деле. Пусть другой, рассуждал я, кто многоопытен в мореходстве и торговле, плывет за куплей, переходит обширные моря, борется всегда с ветрами и волнами, многое, если удастся, приобретает и много бедствуя. А для меня, который держусь суши, веду неглубокую и легкую борозду жизни, с выгодами и морем раскланиваюсь издали, приятнее жить так, как могу, с небольшим и скудным куском хлеба, и влачить дни в безопасности и безмятежии, нежели для больших выгод кидаться на долговременную и большую опасность. Для человека, поставленного высоко, и то уже потеря, если он не предпринимлет большего, не распространяет доблестей своих на многих, но останавливается на малом числе людей и как бы большим светом освещает малый дом или юношеским всеоружием покрывает детское тело. А для человека маловажного

всего безопаснее нести малое бремя, не возбуждать смеха и не увеличивать опасности возложением на себя чего – либо не по силам. Ибо, как слышим, и башню строить прилично тому только, у кого есть чем ее довершить (Лук. 14:28).

Итак, перед вами оправдание моего бегства, и оправдание, может быть, не недостаточное. Сие – то самое удалило меня от вас, друзья и братия, правда, к прискорбью моему, а может быть, и вашему, однако же по необходимости, по крайней мере, как мне тогда представлялось. Возвратили же меня, во – первых, приверженность моя к вам и чувствование вашей взаимной ко мне приверженности (ибо взаимное расположение всего более укрепляет любовь); а во – вторых, собственная моя забота, собственное мое дело – седины и немощь священных родителей, болезнующих более обо мне, нежели о летах своих, – сего Авраама патриарха, драгоценной и равноангельной для меня главы, и Сарры, духовно рождающей нас учением веры. Для них быть жезлом в старости и опорой в немощи составляло первый обещанный мной обет, который и исполнял я по возможности, так что презрел и самое любомудрие – сие стяжание и имя всего для меня драгоценнейшее, или, справедливее сказать, в том и оказал я свое любомудрие, чтобы не казаться любомудрствующим. Почему нестерпимо для меня стало по одному поводу потерять весь труд и лишиться благословения, которое, как сказано об одном из ветхозаветных праведников, даже восхитил он, введя отца в обман снедью и накладными волосами, уловив доброе недобрым средством – через ухищрение. Итак, две причины моей уступчивости и кротости; и, может быть, ни малой нет несообразности в том, что против сих двух причин не устояли и поколебались прежние мои рассуждения. Ибо думаю, что иногда также благовременно уступить над собой победу, как бывает время и для всякого другого дела; и лучше быть честно побеждену, нежели одержать победу со вредом и незаконно. В – третьих же (вот самая важная причина моего возвращения! сказав о ней, умолчу уже о прочих), я вспомнил о временах давних и, встретив одно древнее сказание, извлек из него наставление для себя в настоящем обстоятельстве.

Ибо полагаю, что заключающееся в Писании не без цели написано и не одна куча слов и предметов, собранная для развлечения слушающих, не какая –нибудь приманка для слуха, служащая только к забаве. Такова цель баснословий и тех эллинов, которые, не много заботясь об истине, очаровывают слух и сердце изяществом вымыслов и роскошью выражений.

Но мы, тщательно извлекающие духовный смысл из каждой черты и буквы, нимало не согласны думать (сие было бы и несправедливо), чтобы и самые мало значительные деяния без какой – либо цели были и писателями подробно описаны, и до сего времени сохранены на память. Напротив того, цель их – служить памятниками и уроками, как судить в подобных, если встретятся, обстоятельствах, чтобы мы, следуя сим примерам, как некоторым правилам и предначертанным образцам, могли одного избегать, а другое избирать.

Какое же сказание и в чем состоит наставление? Может быть, не худо будет рассказать сие для утверждения многих. Бежал и Иона от лица Божия, или, вернее сказать, думал убежать, но удержан был морем, бурей, жребием, чревом китовым и тридневным погребением, которое послужило образом высшего таинства. Но Иона бежал, чтобы не идти к ниневитянам с печальной и необыкновенной вестью и чтобы впоследствии не оказаться лжецом, если город спасется через покаяние. Ибо не спасение злочестивых огорчало его, но он стыдился быть служителем лжи и как бы ревновал о достоверности пророчества, которая в нем могла подвергнуться сомнению, потому что многие не способны проникать в глубину Божия о сем домостроительства. А как слышал я о сем от одного мудрого мужа, который не неприлично объяснял видимую несообразность сказания и способен был разуть глубокий смысл пророка, – не такая причина сделала блаженного Иону беглецом и, укрывшегося на море, привела в Иоппию, а из Иоппии вела в Фарсис. Невероятно, чтобы он, будучи пророком, не знал Божия намерения, то есть что Бог, по Своей великой премудрости, по неиспытваемым судьбам, неисследным и непостижным путям Своим, самой угрозой производил то, чтобы ниневитяне не

потерпели предсказанного в угрозе. А если пророк знал сие, то невероятно также, чтобы он не покорился Богу, благоугодным Ему образом устроившему спасение ниневитян. Думать же, что Иона надеялся укрыться в море и спастись бегством от великого ока Божия, было бы совершенно нелепо и невежественно; такая мысль была бы несправедлива не только о пророке, но и о всяком другом человеке, имеющем разум и сколько – нибудь познавшем Бога и Его всепривосходящее могущество. Напротив того, Иона, как говорит рассуждавший о сем муж, в чем и я убежден, лучше всякого другого знал и то, что будет следствием проповеди ниневитянам, и то, что он сам, замысливший бегство, хотя переменит место, но не убежит от Бога; как не избег бы и всякий другой, хотя бы укрылся в недрах земли, в глубинах моря, изобрел средство подняться на крыльях и летать по воздуху, снизошел в самую преисподнюю ада, или облекся густой облака, или придумал другой возможный способ к утаению побега. Напротив того, ежели Бог восхощет кого остановить и удержать в руке Своей, то сие всего неизбежнее, всего неодолимее. Он предускоряет быстрых, перехитряет хитрых, низлагает сильных, смиряет высоких, укрощает дерзновенных, подавляет всякую силу. Посему, конечно, знал крепкую руку Божию Иона, который угрожал ею другим, и он не думал, что вовсе убежит от Бога. Сие нимало не вероятно. Но поелику Иона провидел падение Израиля и предчувствовал, что пророческая благодать переходит к язычникам, то он уклоняется от проповеди, медлит в исполнении повеления и, оставив сторожевую башню радости, что на еврейском значит Иоппия, то есть древнюю высоту и достоинство, ввергает сам себя в море скорби. Потому и обуревается, и спит, и терпит кораблекрушение, и пробуждается от сна, и подпадает жребию, и сознается в бегстве, и погружается в море, и поглощается китом, но не истребляется, а призывает там Бога и (какое чудо!), подобно Христу, по прошествии трех дней возвращается оттуда. Но оставим о сем слово в надежде, если даст Бог, обстоятельнее поговорить в последствии времени. А теперь, чтобы речь возвратилась к своему предмету, остановлюсь на той мысли и на том рассуждении, что для Ионы, может быть, и извинительно было, по изложенной выше причине, отречься от пророческого служения. Но осталось ли бы какое извинение и место к оправданию для меня, если бы стал я долее упорствовать и отрицаться от возлагаемого на меня (не знаю как назвать) легкого или тяжелого, но все же ига служения. Ибо ежели бы иной не попрекословил мне и тем (что одно и можно в настоящем случае сказать, как нечто твердое), что я весьма недостойн священнослужения пред Богом, и что прежде надобно соделаться достойным Церкви, а потом уже алтаря, и прежде достойным алтаря, а потом уже председательства, то другой, может быть, не освободил бы меня от обвинения в неповиновении. Но страшны угрозы, ужасны наказания за неповиновение, равно как и за противное сему, если кто нимало не смущается, не отрицается и не скрывается, как Саул, в отцовских сосудах (1 Цар. 10:22), как скоро слегка призывают его к принятию начальства, но с готовностью, как за самое легкое и удобное дело, берется за то, в чем не безопасно переменять намерение и принятое поправлять новым.

Посему – то я долго боролся с мыслями, придумывая, как поступить, и находясь между двумя страхами, из которых один принуждал меня оставаться внизу, а другой – идти вверх. И после многих недоумений, перевешиваясь на ту и другую сторону или, подобно струе, гонимой противными ветрами, склоняясь туда и сюда, наконец уступил я сильнейшему; меня препобедил и увлек страх оказаться непокорным. И смотрите, как прямо и верно держусь я среди сих страхов, не домогаясь начальства не данного и не отвергая данного. Ибо первое означало бы дерзость, последнее же – непокорность, а то и другое вместе – невежество. Но я соблюдаю средину между слишком дерзновенными и между слишком боязливými; я боязливее тех, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннее тех, которые всякого убегают. Так я разумею дело сие, и выражусь еще яснее: против страха быть начальником подаст, может быть, помощь закон благопокорности, потому что Бог по благодати Своей вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на Него уповает и в Нем полагает все надежды. Но не знаю, кто будет помощником и какое слово внушит упование в случае непокорности. Ибо опасно,

чтобы нам о вверяемых нашему попечению не услышать следующего: «Души их от рук ваших взыщу (Иез. 3:18). Как вы отверглись Меня и не захотели быть вожжами и начальниками народа Моего, так и Я отвергну вас и не буду вашим царем. Как вы не послушали гласа Моего, но презрительно обратили ко Мне хребет и не повиновались, так будет и вам: когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу и не услышу ее». Да не придет на нас такой приговор Праведного Судии, Которому воспеваем милость, но вместе воспеваем, конечно, и суд (Пс. 100:1)!

А я обращаюсь опять к истории и, рассматривая самых благоискусных мужей в древности, нахожу, что из тех, кого благодать предызбирала когда – либо в звание начальника или пророка, одни с готовностью следовали избранию, а другие медлили принимать дар; но ни те, ни другие не подвергались осуждению, как отрекавшиеся – за боязнь, так и изъявившие согласие – за ревность. Ибо одни устрашались важности служения, а другие повиновались по вере в Призывающего. Аарон изъявил готовность, а Моисей прекословил. С готовностью повиновался Исаия, а Иеремия страшился юности и не прежде отважился на звание пророка, как получив от Бога обетование и силу, превышающую возраст. Сими размышлениями успокаиваю я сам себя, и душа моя понемногу уступает и смягчается, как железо; а в помощники к сим размышлениям беру я время и в советники – Божии оправдания, которым верил я всю жизнь свою. Посему не противлюся, ни противогаголю (Ис. 50:5) (слова моего Владыки, не к начальствованию призываемого, но яко овча на заколение (Ис. 53:7) ведомого), даже подклоняюсь и смиряюсь под крепкую руку Божию и прошу извинить прежнюю мою леность и непокорность, если сколько – нибудь виновен я в сем. Я умолкал, но не всегда буду молчать; удалился ненадолго, сколько было нужно, чтобы рассмотреть себя и доставить себе утешение в скорби, но теперь готов возносить Его в церкви людстей и восхвалять на седалищи старец (Пс. 106:32). Если за одно должно осуждать, то за другое можно извинить.

Но к чему мне продолжать слово? Я с вами, пастыри и сопастыри! С тобой, святая паства, достойная Архипастыря Христа! И ты, отец мой, совершенно победил и подчинил меня более по Христовым, нежели по мирским законам. Видишь благопокорность – возврати благословение. И сам руководи молитвами, путеводствуй словом, утверждай духом. Благословение отчее утверждает дома чад (Сир. 3:9). О, если бы утвердиться мне и сему духовному дому, который избрал я и о котором молюсь, чтобы он и для меня был упокоением в век века, когда из здешней Церкви препослан буду к Церкви тамошней – к торжеству первородных, написанных на небесах! Таково и столь справедливо мое моление!

Бог же мира, сотворивший обоя едино и возвративший нас друг другу, посаждающий царей на престолах и воздвигающий с земли убогого, из низкого состояния возвышающий нищего, избравший Давида, раба Своего, и взявший от стад овчих того, кто был младшим и юнейшим из сынов Иессеевых, дающий слово благовествующим силою мноюю во исполнение Евангелия, – Сам, пася пастырей и вода вождей, да поддерживает десную руку нашу, да путеводствует по воле Своей и да примет со славой, чтобы и нам упасти паству Его благоразумно, а не в сосудах пастыря неискусна (Зах. 11:15) – одно поставлено у древних в числе благословений, а другое – в числе проклятий, – Сам да даст силу и державу людям Своим (Пс. 67:36), Сам да представит Себе паству славной и нескверной, достойной горнего двора, в обители веселящихся, во светлости святых, чтобы в храме Его все мы, и паства и пастыри, купно могли вещать славу, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому всякая слава во веки веков аминь!

Слово 4, первое обличительное на царя Юлиана

Услышите сия вси языцы, внушитв вси живущии по вселенней (Пс. 48:2). Как бы с некоторого возвышения, далеко кругом видимого, всех призываю, ко всем обращаю сильную и высокую проповедь. Внимайте, народы, племена, языки, люди всякого рода, всякого возраста – все, сколько есть теперь и сколько будет на земле! И да прострется далее моя проповедь! Внимайте мне все небесные силы, все ангелы, которыми совершено истребление мучителя, низложен не Сион, царь Амморрейский, не Ог, царь Васанский (небольшие владетели, делавшие зло небольшой части вселенной – Израилю), но змий (Иез. 29:3), отступник, великий ум (Ис. 10:12), ассириянин, общий всем враг и противник, и на земле делавший много неистовств и угроз, и в высоту (Пс. 72:8) говоривший, и замышлявший много неправды! Слыши небо, и внуши земле (Ис. 1:2)! И мне теперь прилично возгласить одно с велегласнейшим из пророков Исаией! В одном у нас разность: пророк призывает небо и землю во свидетели против отвергшегося от Бога Израиля, а я призываю против мучителя, и отвергшегося и падшего падением, достойным нечестия. Внимай, если слышишь нас, и ты, душа великого Констанция! Внимайте, христоролюбивые души до него бывших царей! Особенно же да внемлет душа Констанция, который сам возрастал с наследием Христовым и, постепенно утверждая оное, возрастил в такую силу, что стал через сие именитее всех прежних царей. Но (какое посрамление!) он впал в грех неведения, весьма не достойный его благочестия; сам не зная, воспитал христианам врага Христова; из всех дел своего человеколюбия оказал одну худую услугу тем, что спас и воцарил ко вреду спасенного и царствовавшего. А потому, о если бы Констанция наипаче обрадовало как разрушение нечестия и восстановление прежнего благосостояния христиан, так и сие слово!

А я принесу слово в дар Богу, священнейший и чистейший всякой бессловесной жертвы, принесу не по подражанию мерзким речам и суесловию, а еще более мерзким жертвам богоотступника, которых обилие и богатство состояли в силе нечестия и в немудрой, скажу так, мудрости; так как и вся сила, и ученость века сего во тьме ходит и далека от света истины. Но если такова сия мудрость, в таких бывает людях, такие приносит плоды – как трава, скоро засыхает, как зелие злака (Пс. 36:2), скоро опадает и переходит вместе с породившими ее, которые погибают с шумом и привлекают внимание более падением, нежели нечестием своим, – то мне, приносящему ныне жертву хвалы и сожигающему бескровный дар слова, кто составит такое зрелище, которое бы равнялось благодарности! Какой язык будет так громозвучен, как я того желаю? Чей слух не уступит в ревности слову?

Благодарение же, воздаваемое посредством слова, не только всего более свойственно Слову, Которое из всех других наименований преимущественно благоугождается сим наименованием и нашей способностью именовать Его, но и тому¹² послужит приличным возмездием, когда за преступление против дара слова будет он наказан словом. Тогда как дар слова есть общее достояние всех словесных тварей, Юлиан, присвоив его себе, ненавидел в христианах, и хотя почитался даровитейшим в слове, однако же о даре слова судил крайне неразумно. Во – первых, неразумно тем, что злонамеренно, по произволу, толковал наименование, будто бы эллинская словесность принадлежит язычеству, а не языку. Почему и запрещал нам образоваться в слове, как будто такое наше образование было похищением чужого добра. Но сие значило то же, как если бы не позволять нам и всех искусств, какие изобретены у греков, а присвоить их себе по тому же сходству наименования. Потом, неразумно он надеялся, будто бы скроется от нас, что не нас, которые очень презираем такую словесность, лишает он одного из первых благ, но сам страшится обличений в нечестии, предполагая, может быть, что сила обличений зависит от красоты слога, а не от разумения истины и не от доказательств, от кото-

¹² Юлиану.

рых удержать нас так же невозможно, как и сделать, чтобы мы, пока имеем язык, не исповедовали Бога. Ибо мы вместе с прочим и сие, то есть слово, посвящаем Богу, как посвящаем тела, когда нужно и телесно подвизаться за истину. Посему, дав такое повеление, хотя запретил он говорить красноречиво, однако же не воспрепятствовал говорить истину. А таким образом и бессилие свое обличил, и не избег обличений в нечестии, если не подвергся еще большим за свою ошибку. Ибо самое его запрещение пользоваться нам даром слова показывало, что он не полагался и на правоту своей веры, и на самый дар слова. Он походил на человека, который почитает себя сильнейшим из борцов и требует, чтобы все провозгласили его сильнейшим, а между тем отдал приказ, чтобы ни один сильный борец не смел бороться и не являлся на поприще. Но это доказательство робости, а не мужества! Венцы даются тем, которые подвизались, а не тем, которые сидели вверху; тем, которые напрягали все силы, а не тем, которые лишены употребления большей части сил. Если же действительно боялся ты сойтись и вступить в битву, то сим самым признал над собой победу и без борьбы уступил верх тому, с кем из – за того и препирался, чтобы не вступать в борьбу. Так поступил наш мудрый царь и законодатель! И как будто для того, чтобы все испытало его мучительство и провозглашало его неразумие, в самом начале своего царствования он прежде всего употребил насилие против дара слова. Но нам прилично воздать благодарение Богу и за то, что самый сей дар получил свободу. Нам особенно должно как почитать Бога другими приношениями, не щадя ничего – ни денег, ни имуществ, которые временны и человеколюбием Божиим соблюдены от насилия, так преимущественно почитать словом – плодоношением праведным и общим для всех, получивших милость. Но довольно сего слова о даре слова; иначе, распространившись чрез меру, преступим пределы времени и подадим мысль, что заботимся о чем – то ином, а не о том, для чего собрались.

И уже порывается и течет к торжествованию мое слово; оно облекается в веселье, как и все видимое; оно всех призывает к духовному ликованию, – всех, кто постоянно пребывал в посте, в сетовании и в молитве, и днем и ночью просил избавления от обстоящих скорбей и надежное врачевство от зол находил в непосрамляющем уповании (Рим. 5:5), – всех, кто перенес великие борения и подвиги, кто выдержал многие и тяжкие удары сего времени, кто, по выражению апостола, был и позор миру и Ангелом и человеком (1 Кор. 4:9), кто хотя изнемогал телом, однако же остался непобедимым по духу и все возмог о укрепляющем его Христе (Флп. 4:13), – всех, кто отложил все, что в мире служит ко греху, и мирскую власть; кто разграбление имений с радостью принял (Евр. 10:34); кто неправедно был изгнан из собственного, как говорится, владения; кто на несколько времени терпел разлуку или с мужем, или с женой, или с родителями, или с детьми, или какие еще есть наименования не столь близкого свойства, привязывающие нас к людям, и кто в дар Христовой крови приносил страдания за Христа, так что ныне справедливо может о себе сказать и воспеть: возвел еси человеки на главы наша: проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой (Пс. 65:12).

Призываю к торжеству и другую часть людей, которые исповедуют Бога всяческих и держатся в том здравых понятий, но не постигают распоряжений Промысла, часто из горестных событий устрояющего лучшее и благостью призывающего к исправлению. Они, по нищете души и по легкомыслию, возгораются и воспаляются помыслами, внемлют гордиться нечестивому (Пс. 9:23), не могут сносить мира грешников (Пс. 72:3), как говорит псалом, не ждут исполнения совета Божия (Пс. 105:13), и не соблюдают равнодушия до конца, однако же, будучи рабами одного настоящего и видимого, утверждают в истине чудесами, подобными совершившимся ныне. Призываю и тех, кого приводит в изумление лицедейство и великое позорище мира сего, призываю словами Исаии: жены, грядущия с позорища, приидите (Ис. 27:11), отвратив душевное око от внешних предметов, по которым оно блуждало, упразднитесь и уразумеете, яко сей есть Бог, возносяйся во языцех, возносяйся на земли (Пс. 45:11), как всегда, во всех творимых Им знамениях и чудесах, так еще очевиднее в чудесах настоящих.

О, если бы составил часть нашего лика и тот собор,¹³ который прежде с нами вместе воспевал Богу неподдельную и чистую песнь, даже устаивался некогда стоять на десной стороне и, как надеюсь, вскоре опять удостоится! Но не знаю, по какому побуждению он вдруг изменяется, отделяется и (чему особенно дивлюсь) не приступает к общему веселью, но составляет (как, может быть, и сами позволяют мне выразиться) какой – то свой нестройный и несогласный лик. Сказать, каков и чей это лик, хотя и побуждает меня ревность, однако же останавливает вера. Удерживаемый надеждой, не произнесу ничего неприятного; ибо доселе щажу их, как собственные члены, и внимаю больше прежней любви, нежели настоящему отвращению. Для того поступаю великодушнее, чтобы чувствительнее укорить впоследствии.

Одну только часть, один род людей отлучаю от торжества. Хотя сам сокрушаюсь и скорблю, хотя проливаю слезы, когда, может быть, они и не внимают мне, хотя сетую о нечувствующих собственной гибели, что и делает раны их достойнейшими большого сожаления, однако же отлучаю. Посеянные не на твердом и непоколебимом, но на сухом и бесплодном камне (таковы приступающие к слову легкомысленно и маловерные), зане не имея глубины земли (Мф. 13:5), скоро прозябшие и готовые на все в угождение ближним, они впоследствии, при легком приражении лукавого, при малом искушении и дуновении знойного ветра, увяли и умерли. Но еще хуже сих последних, еще более достойны отлучения от торжества все те, которые нимало не противились ни силе времени, ни увлекающим нас в пагубный плен от Восшедшего на высоту и Пленившего во спасение. Они оказались даже произвольно злыми и низкими, не сделав и малейшего сопротивления, соблазнившись, когда не было им никакой скорби и никакого искушения ради слова, и (подлинно жалкие люди!) продали собственное свое спасение за временную корысть, за неважную услугу или власть.

Поелику же сказано, кто может и кто не может составлять наш лик, то очистим, по возможности, и тела и души, настроим все один голос, соединимся единым духом и воспоем ту победную песнь, которую некогда, ударяя в тимпан, предназначала Мариам, а за ней воспел Израиль, о потоплении египтян в Чермном море: поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже (Исх. 15:21) – но не в море (переменяю сие в песне), а куда Ему было угодно и как определил Сам Он – творяй вся и претворяй, как сказал в одном месте своего пророчества богодухновенно любомудрствующий Амос, и обращая во утро сень смертную и день в ночь помрачаяй (Ам. 5:8), – Тот, Кто, как бы некоторым кругом, располагает и ведет весь мир. И все, что до нас касается, – и зыблющееся и незыблемое, попеременно и поступающее вперед и обращаемое назад, бывающее в разные времена и так и иначе, – в порядке Промысла твердо и непоколебимо, хотя и идет противоположными путями, известными Слову и неведомыми для нас. Господь низлагает сильные со престол (Лк. 1:52) и нечаемого украшает венцем (Сир. 11:5), – заимствую и сие из Божественного Писания. Он немощные колена облагает мужеством и сокрушает мышцы грешника и беззаконника (Пс. 36:17), – и сие беру из другого Писания, как приходит мне на память которое – либо из многих мест, восполняющих мою песнь и слагающихся в одно благодарение. Он дает нам видеть и возношение нечестивого выше кедров, и обращение его в ничтожество, если только возмogli мы скорой и непреткновенной ногой пройти мимо его нечестия. Кто же из поведающих дела Божии воспоет как должно и поведает сие? Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его (Пс. 105:9)? Какой голос, какой дар слова будет соразмерен сему чуду? Кто сокруши оружие и меч и брань (Пс. 75:11)? Кто стер главы змиев в воде? Кто дал того брашно людям (Пс. 73:13, 14), которым и предал его? Кто переменял бурю в прохладный ветер? Кто сказал морю: молчи, престани (Мк. 4:39), в тебе сокрушатся волны твоя (Иов 38:11) – и потом усмирил незадолго воздымавшиеся

¹³ По изъяснению Илии Критского, Св. Богослов понимает здесь назианзских монахов, которые соблазнились тем, что родитель его по простоте сердца подписался к арианскому исповеданию, а вследствие сего отделились от общения с Назианзской Церковью и поставили у себя пресвитеров, рукоположенных посторонним епископом.

и кипевшие воды? Кто даровал власть наступать на змию и на скорпию (Лк. 10:19), которые не тайно уже блюдут пяту, как изречено в осуждении, но явно восстают и поднимают главу, осужденную на поправление? Кто сотворил суд и правду (Ам. 5:7), сотворил так неожиданно? Кто не оставил навсегда жезла грешных (могу ли смело сказать: на жребии праведных (Пс. 124:3) – или выразиться скромнее?), на жребии ведающих Его? Ибо мы были не как праведные преданы (немногим, и притом редко, дается, чтобы они, как мужественные подвижники, посрамили искушителя), но как грешные осуждены и потом милосердно и отечески помилованы; осуждены, чтобы, пораженные, уцеломудрились и, вразумленные, к Нему обратились. Он обличил нас, но не яростию; наказал, но не гневом (Пс. 6:1); тем и другим, и напаматованием и снисхождением, явил Свое человеколюбие. Кто сотворил отмщение во языцех, обличения в людех (Пс. 149:7)? Господь крепок и силен, Господь силен во брани (Пс. 23:8). Одно нахожу место, один стих, в некотором отношении сообразный настоящему торжеству. Его прежде нас возгласил Исаия, и он весьма приличен нынешнему времени, соответствует величию благодеяния. Да возрадуется небо свыше, и облацы да кропят правду (Ис. 45:8): да отрыгнут горы веселие и холми радость (Ис. 49:13)! Ибо и вся тварь, и небесные силы разделяют наши чувствования (присовокупляю это от себя) даже при событиях, подобных настоящему. Тварь, работающая тлению, то есть тем, которые долгу рождаются и умирают, не только совоздыхает и соболезнует в ожидании конца их и откровения, чтобы тогда и ей получить чаемую свободу, подобно как ныне силой Творца невольно предана тленным, но также прославляется и сорадуется, когда веселятся чада Божии. Итак, да веселится пустыня, и да цветет, яко крин (Ис. 35:1) (не могу не употреблять Божественных изречений, возвещая Божию силу); да веселится Церковь, которая вчера и за день, по – видимому, сиротствовала и вдовствовала! Да веселится всякий, кто доселе был угнетаем нестерпимой и жестокой бурей нечестия! Яко помиловал Господь людей Своих, и достояния Своего не оставил (Пс. 93:14), сотворил чудная дела, совет древний истинный (Ис. 25:1), – совет о том, чтобы благоволить к боящимся Его и к уповающим на милость Его (Пс. 146:11). Яко сокруши врата медная и вереи железные сломи (Пс. 106:16). Мы за беззакония наши смиренны были, но воззваны и избавлены из сети сокрушенной (Пс. 123:7) благодатью призвавшего нас и смиренных сердцем утешающего Бога.

Видите, как слагаю песнь, в которой и слова, и мысли Божественны! Сам не знаю, почему горжусь и украшаюсь чужим, от удовольствия делаюсь как вдохновенный, а презираю все низкое и человеческое, когда одно с другим сличаю и соглашаю, и что единого Духа, то привожу в единство.

И прежде являли нам чудеса Божии: Енох, предлагаемый Богом; Илия, вземлемый на небо; Ной, спасаемый и спасающий малым деревом (Прем. 10:4) мир – семена родов, избегших от потопления вселенной, чтобы земля снова украсилась обитателями более благочестивыми; Авраам призываемый; когда уже не обещал возраст, награждаемый сыном, во уверение о другом обетованном Семени; приносящий единородного – добровольную жертву, и вместо сына приемлющий неожиданную жертву. То же явили: чудная гибель нечестивых, потопленных огнем и серой, и еще более чудное исхождение благочестивых; столп сланный – памятник обращения к злу. То же явил Иосиф, продаваемый, вожделеваемый, целомудрствующий, умдряемый Богом, освобождаемый, поставляемый властелином и раздателем хлеба для высшего домостроительства; Моисей, удостоенный богоявления, приемлющий законы, законодательствующий, данный в бога фараону, указавший Израилю путь в Землю обетования. То же явили: известное число египетских казней и среди египтян спасение обремененных трудами; море, бегущее от жезла и сливающееся по слову, одним дающее путь, как по суху, и потопляющее, согласно с естеством, других; а также все, чем сие сопровождалось: столп облачный, осеняющий днем; столп огненный, озаряющий ночью, а оба путеводствующие; хлеб, дождимый в пустыне, снедь, посылаемая с неба, – первый соразмерно нужде, а вторая даже и сверх нужды; вода из камня, то истекающая, то улаждаемая; Амалик, преодолеваемый молитвой

и еще неизъяснимым и таинственным воздеянием рук; солнце останавливаемое, луна удерживаемая, Иордан разделяемый, стены, разрушаемые обхождением священников, также звуком труб и самым числом, силу имеющим; земля и руно, попеременно орошаемые и остающиеся невлажными; сила, заключенная в волосах и равняющаяся силам целого воинства; несколько избранных, лакавших из горсти воду, обнажденных в победе и побеждающих по надежде малым числом многие тысячи. Нужно ли мне перечислять все чудеса, какие совершены Самим Христом, по спасительном Его пришествии и воплощении, и какие по Нем и через Него же сотворены святыми Его апостолами и служителями слова? Сколько книг и памятей, в которых напечатлены они? Какие же чудеса явлены ныне? Приидите услышите, и повем вам, вси боящиеся Бога (Пс. 65:16), яко да познает род ин (Пс. 77:6), да познают преемства родов чудеса могущества Божия!

Но невозможно объяснить сего, не изобразив великости бедствия; и сие опять невозможно, пока не будет обличено злонравие отступника, не будет показано, какие были начала, какие семена, от которых дошел он до такого неистовства, постепенно возвращая в себе нечестие, подобно тому как самые злые из пресмыкающихся и зверей собирают свой яд. И хотя подробное описание злодеяний его предоставляем книгам и историям (мы не имеем и времени пересказывать все, не имеющее близкой связи с настоящим предметом), однако же, из многого коснувшись немногого, оставим потомству как бы некоторую надпись на памятнике, вставив в слово главнейшие и известнейшие из его деяний.

Вот одно и первое из его дел! Спасенный великим Констанцием, недавно от отца наследовавшим державу, когда при дворе стали править делами новые чиновники и войско, опасаясь нововведений, само сделалось нововводителем, вооружилось против начальствующих, тогда, говоря, невероятным и необычайным образом спасенный вместе с братом,¹⁴ не воздал он благодарения ни Богу за свое спасение, ни царю, его спасшему, но оказался пред ними злонравным, готовя в себе Богу отступника, а царю – мятежника. Но прежде сего нужно сказать, что человеколюбивейший царь в одном из царских дворцов удостоил их царского содержания и царской прислуги, сохраняя их, как последних в роде, для царского престола. Сам государь, во – первых, думал оправдать себя в том, что беспорядки, открывшиеся в начале его царствования, произведены не по его согласию; во – вторых, хотел показать свое великодушие, приобщив их к царскому сану; а в – третьих, таким приращением надеялся более упрочить власть. Но в его рассуждениях было больше доброты сердца, нежели благоразумия.

На них же¹⁵ не лежало тогда никаких должностей, царская власть была еще впереди и в одном предположении, а возраст и надежда не вели к чинам второстепенным. Посему они имели при себе наставников и в прочих науках (все первоначальное учение преподавал им сам дядя и царь), а еще больше – в нашем любомудрии, не только в том, которое имеет предметом догматы, но и в том, которое назидает благочестие нравов. Для сего пользовались обращением с людьми особенно испытанными и были приучаемы к делам самым похвальным, показывающим опыты добродетели. Они по своей охоте вступили в клир, читали народу божественные книги, нимало не почитая сего ущербом для своей славы, но еще признавая благочестие лучшим из всех украшений. Также многоценными памятниками в честь мучеников, щедрыми приношениями и всем, что показывает в человеке страх Божий, свидетельствовали о своем любомудрии и усердии ко Христу.

Один из них был действительно благочестив и хотя по природе вспыльчивее, однако же в благочестии искренен. А другой выжидал только времени и под личиной скромности таил злонравие. И вот доказательство! Ибо не могу пройти молчанием бывшего чуда, которое весьма достопамятно и может послужить уроком для многих нечестивцев. Оба они, как сказал я,

¹⁴ Галлом.

¹⁵ Юлиане и Галле.

усердствовали для мучеников, не уступали друг другу в щедрости, богатой рукой и не щадя издержек созидали храм.¹⁶ Но поелику труды их происходили не от одинакового произволения, то и конец трудов был различен. Дело одного, разумею старшего брата,¹⁷ шло успешно и в порядке, потому что Бог охотно принимал дар, как Авелеву жертву, право и принесенную и разделенную (Быт. 4:7), и самый дар был как бы некоторым освящением первородного, а дар другого (какое еще здесь на земле посрамление для нечестивых, свидетельствующее о будущем и малозначительными указаниями предвещающее о чем – то великом!) – дар другого отверг Бог мучеников, как жертву Каинову. Он прилагал труды, а земля изметала совершенное трудами. Он употреблял еще большие усилия, а земля отказывалась принимать в себя основания, полагаемые человеком, зыблющимся в благочестии. Земля как бы вещала, какое будет произведено им потрясение, и вместе воздавала честь мученикам бесчестьем нечестивейшего. Такое событие было некоторым пророчеством об открывшихся со временем в сем человеке высокомерии и высокоумии, о непочтении его к мученикам, о поругании им святых храмов, – пророчеством, для других невразумительным, но заранее преследовавшим гонителя и предзнаменовавшим, какое будет возмездие нечестию. О человек мудрый, еже творити злая (Иер. 4:22), но не избегающий собственного мучения! Благодарение Богу, возвещающему будущее, чтобы пресечь нечестие и показать Свое предведение! Какое необычайное, но более истинное, нежели необычайное, чудо! Какое братолюбие в мучениках! Они не приняли чествования от того, кто обесчестит многих мучеников, отвергли дары человека, который многих изведет в подвиг страдания, даже позавидует им и в сем подвиге. Или, вернее сказать, они не потерпели, чтоб им одним из мучеников быть в поругании, когда храмы других устроятся и украшаются руками преподобными. Они не пустили, чтобы преухищренный во зле мог похвалиться нанесенными им оскорблениями, чтобы одна рука и созидала, и разрушала мученические храмы, чтобы одни из мучеников были чествуемы, а другие подвергались бесчестью, чтобы притворным чествованием предначиналось действительное бесчестье. Они не хотели, чтобы оскорбитель, при великости оскорбления, почитал еще себя мудрым и умевшим под видимой наружностью утаиться как от людей, так и от Бога, который всех прозорливее всех премудрее и запинаят премудрым в коварстве их (1 Кор. 3:19). Напротив того, дали знать ругателю, что он понят, чтобы, уловленный, не превозносился. Бог мучеников по распоряжениям, Ему одному ведомым, по неизреченной Своей премудрости, по законам мироправления, по которым некогда ожидал исполнения беззаконий аморрейских, и теперь не пресек, не иссушил вдруг, подобно нечистому потоку, замышляемой и скрываемой злобы. Но для других было нужно соделать злонравие ненавистным, отвергнуть чествование и показать, что Бог в рассуждении всего Ему приносимого нелицеприятен и чист. Он сказал нечестовавшему Израилю: аще принесете Ми семидал, всеу; кадило, мерзость Ми есть (Ис. 1:13). Он не потерпел новомесячий их и суббот и дне великаго, ибо, как Самодовольный, не нуждается ни в чем человеческом и маловажном; тем менее увеселяется недостойными приношениями; напротив того, жертвой нечестивого, хотя бы это был телец, гнушается, как псом и, хотя бы это был ливан, оскорбляется, как богохульством (Ис. 66:3), и мзду блудничи (Втор. 23:18) изметает из святилища и отвергает; ценит же ту одну жертву, которую Чистейшему приносят чистые руки, высокий и очищенный ум. Итак, что удивительного, если Он, Который видит не как человек, смотрит не на внешнее, но на потаенного человека, прозирает во внутренний источник пороков или добродетелей, – что, говорю, удивительного, если Бог и теперь не принял чествования, воздаваемого лукаво и с лукавой мыслью? Но так было действительно. Кто не верит, пред тем свидетельствуемся самовидцами; еще многие живы из них; они и нам пересказывали о сем чуде, и будут пересказывать потомкам нашим.

¹⁶ Во имя Св. мученика Маманта.

¹⁷ Галла.

Когда же с наступлением мужеского возраста они коснулись (лучше бы никогда не касаться!) философских учений и приобрели силу в слове (для благонравных – щит добродетели, а для злонравных – жало греха), тогда он¹⁸ не мог уже скрывать в себе всего недуга и коварный замысел нечестия обдумывать единственно с самим собой. Огонь, кроющийся в веществе, еще не обратился в светлый пламень, но обнаруживается вылетающими искрами и идущим изнутри дымом. А если угодно другое подобие – источники, с силой текущие в подземных пещерах, когда не находят себе простора и свободного выхода, во многих местах земли устремляются к поверхности и производят под ней шум, потому что сила стремления гонит их, а верхние преграды удерживают и пресекают. Так и он, удерживаемый обстоятельствами и уроками государя, пока небезопасно было оказать себя явным нечестивцем, скрывал большую часть своего нечестия. Но бывали случаи, при которых обнаруживал тайные мысли, особенно пред людьми, более расположенными к нечестию, нежели к благоразумию; в разговорах же с братом даже сверх приличия защищал язычников – конечно, под предлогом упражнения в слове посредством споров, а действительно, это было упражнением в противоборстве истине. Вообще, он рад был всему, чем отличается нечестивое сердце. А когда человеколюбие самодержца провозглашает брата его цезарем и делает обладателем над немалой частью вселенной, тогда и ему открылась возможность с большей свободой и безопасностью предаться самым вредным наукам и наставникам. Азия стала для него училищем нечестия – всех бредней о звездочетстве, о днях рождения, о разных способах гадания, а также и о соединенной с ними неразрывно магии.

Одного еще доставало, чтобы к нечестию присовокупить и могущество. Чрез некоторое время и то дают ему над нами умножившиеся беззакония многих, а иной, может быть, скажет – благополучие христиан, достигшее высшей степени и потому требовавшее перемены, – свобода, честь и довольство, от которых мы возгордились. Ибо, действительно, труднее сбегать приобретенные блага, нежели приобретать новые, и удобнее тщанием возратить прошедшее благоденствие, нежели сохранить настоящее. Прежде сокрушения предваряет досаждение (Притч. 16:18) – прекрасно сказано в Притчах, а славе предшествует уничижение или, скажу яснее, за гордостью следует низложение, а за низложением – прославление. Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак. 4:6), и все соразмеряя праведно, воздает за противное противным. Сие знал и божественный Давид, потому быть смиряемым полагает в числе благ, приносит благодарение Смирившему, как приобретший чрез сие ведение Божиих оправданий, и говорит: прежде даже не смиритимися, аз прегреших: сего ради слово Твое сохраних (Пс. 118:67). Таким образом ставит он смирение в середине между прегрешением и исправлением, так как оно произведено прегрешением и произвело исправление. Ибо грех рождает смирение, а смирение рождает обращение. Так и мы: когда были добронравны и скромны, тогда возвышены и постепенно возрастали, так что под руководством Божиим, соделались и славны и многочисленны. А когда мы утолстели, тогда стали своевольны; и когда расширили (Втор. 32:15), тогда доведены до тесноты. Ту славу и силу, какую приобрели во время гонений и скорбей, утратили мы во время благоденствия, как покажет продолжение слова.

Царствованию и жизни Цезаря полагается предел. Умолчу о предшествовавшем, щадя и действовавшего и страдавшего;¹⁹ но при всем уважении к благочестию обоих, не хвалю дерзости. Если им, как людям, и свойственно было погрешать в чем другом, то за сие, вероятно, не похвалят ни того, ни другого. Разве и здесь поставляемое в вину одному обратим в оправдание другому. Тогда Юлиан делается наследником царства, но не благочестия, наследником сперва после брата, а чрез несколько времени и после воцарившего его. И первое дает ему Констан-

¹⁸ Юлиан.

¹⁹ Св. Богослов имеет в виду умерщвление Цезаря Галла по приказу императора за возмущение его против императора.

ций добровольно, а последнее по неволе, принужденный общим для всех концом, пораженный ударом бедственным и пагубным для целого мира.

Что ты сделал, боголюбезнейший и христолюбивейший из царей! К тебе, как бы к предстоящему и внимающему нам, обращаю укоризну; хотя знаю, что ты гораздо выше наших укоризн, вчинен с Богом, наследовал небесную славу и для того оставил нас, чтобы временное царство пременить на вечное. Для чего совещал такой совет ты, который благоразумием и быстротой ума во многом превосходил не только современных тебе, но и прежних царей. Ты очистил пределы царства от варваров и усмирил внутренних мятежников; на одних действовал убеждениями, на других – оружием, а в том и другом случае распоряжался, как будто бы никто тебе не противодействовал. Важны твои победы, добытые оружием и бранями, но еще важнее и знаменитее приобретенные без крови. К тебе отовсюду являлись посольства и просьбы: одни покорялись, другие готовы были к покорности. А если где была надежда на покорность, это равнялось самой покорности. Мышца Божия руководствовала тебя во всяком намерении и действии. Благоразумие было в тебе удивительней могущества и могущество удивительней благоразумия; самой же славы за благоразумие и могущество еще удивительней благочестие. Как же в сем одном оказался ты неопытным и неосмотрительным? Отчего такая опрометчивость в твоём бесчеловечном человеколюбии? Какой демон внушил тебе такую мысль? Как великое наследие, – то, чем украшался родитель твой, разумею именуемых по Христе, народ, просиявший в целой вселенной, царское священие (1 Петр. 2:9), возвращенных многими усилиями и трудами, – в столь короткое время, в одно мгновение, своими руками предал ты общему всех кровопийце?

Может быть, вам кажется, братия, что поступаю неблагочестно и неблагодарно, когда говорю сие и к обличительной речи не присоединяю тотчас вещаний истины, хотя достаточно уже оправдал я Констанция тем самым, в чем обвинил его, если вы вникли в мое обвинение. Здесь только обвинение заключает в себе и извинение; ибо, упомянув о доброте, я представил и оправдание. Кому из знавших сколько – нибудь Констанция неизвестно, что он для благочестия, из любви к нам, из желания нам всякого блага не только готов был презреть его,²⁰ или честь всего рода, или приращение царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасение отдал бы даже самую державу, целый мир и свою душу, которая всякому всего дороже? Никто никогда и ни к чему не пылал такой пламенной любовью, с какой он заботился об умножении христиан и о том, чтобы возвести их на высокую степень славы и силы. Ни покорение народов, ни благоустройство общества, ни титул и сан царя царей, ни все прочее, по чему познается счастье человеческое, – ничто не радовало его столько, как одно то, чтобы мы через него и он через нас прославлялись пред Богом и пред людьми и чтобы наше господство навсегда было неразрушимым. Ибо кроме прочего, рассуждая истинно царски и выше многих других, он ясно усматривал, что с успехами христиан возрастало могущество римлян, что с пришествием Христовым явилось у них самодержавие, никогда дотоле не достигавшее совершенного единоначалия. За сие, думаю, и любил он особенно нам благодетельствовать. Если же и оскорбил несколько, то оскорбил не из презрения, не с намерением обидеть, не из предпочтения нам других, но желая, чтобы все были одно, хранили единомыслие, не рассекались и не разделялись расколами. Но, как заметил я, простота неосторожна, человеколюбие не без слабостей, и кто далек от зла, тот всего менее подозревает зло. Посему он не предузнал будущего, не проник притворства (нечестие же вкрадывалось постепенно), и в одном государе могли совмещаться и благость к благочестивому роду, и благость к нечестивейшему и безбожнейшему из людей.

И сей нечестивец в чем укорил христиан, что нашел у нас непохвального, а также что в языческих учениях признал чрезвычайным и неопровержимым? Какому следуя образцу составил он себе имя своим нечестием, совершенно новым образом вступил в состязание с воцарив-

²⁰ Юлиана.

шим его? Поелику не мог превзойти его добродетелями и совершенствами, то постарался отличиться противным, тем, что преступил всякую меру в нечестии и ревновал о худшем. Таково наше оправдание Констанция в рассуждении христиан и для христиан, вполне справедливое для имеющих ум.

Но найдутся люди, которые, простив нам одну вину, не отпустят другой. Они станут обвинять в скудоумии за то, что Констанций вручил власть неприязненному и непримиримому противнику и что сперва сделал его врагом, а потом могущественным, положив основание вражде умерщвлением брата и придав силу избранием на царство. Посему нужно кратко сказать и о сем; нужно показать, что человеколюбие было не вовсе неразумно и не выступило из пределов царского великодушия и царской предусмотрительности. Даже мне было бы стыдно, если бы мы, удостоившиеся от Констанция такой чести и столько уверенные в его отличном благочестии, в его защиту не сказали правды, что, как служители слова и истины, обязаны мы делать для людей и нимало нас не облагодетельствовавших. Особенно стыдно было бы не сказать правды о Констанции по переселении его из здешнего мира, когда нет и места мысли, что мы льстим, когда слово наше свободно от всякого худого подозрения. Кто не надеялся, если не другого чего, по крайней мере того, что Констанций почестями сделает его²¹ более кротким? Кто не полагал, что после доверенности, какая ему сделана даже вопреки справедливости, и он будет правдивее? Особенно когда над обоими произнесен правдивый и прямо царский суд: один удостоен чести, и другой низложен? Ибо почтивший второго, как никто не ожидал, даже ни сам получивший почести, ясно тем показал, что и первого наказал он не без праведного гнева. Казнь одного была следствием дерзости наказанного, а почести другого были делом человеколюбия в возведшем его к почестям. Но если нужно сказать еще нечто, то Констанций мог полагаться не столько на его верность, сколько на собственное могущество. По такой, думаю, надежде и славный Александр побежденному Пору, который мужественно стоял за свою державу, даровал не только жизнь, но вскоре и царство индов. Сим, а не другим чем, хотел он доказать свое великодушие; а не превзойти кого в великодушии для него, Александра, было постыднее, нежели уступить в силе оружия; притом Пора, если бы замыслил зло, ему легко было покорить и в другой раз. Так и в Констанции человеколюбие произошло от избытка надежды на свою силу. Но для чего усиливаюсь там, где и побежденному весьма удобно одержать верх? Если доверивший поступил худо, то сколько хуже поступил тот, кому сделана доверенность? Когда ставить в вину, что не предусмотрен злой нрав, тогда во что должно поставить самое злонравие?

Но порок, действительно, есть нечто не подводимое под правила, и у человека нет средств делать злых добрыми. Так и Юлиан, от чего бы следовало ему почувствовать в себе благорасположение и погасить, если и было какое, воспламенение злобы, от того самого воспылал большей ненавистью и стал высматривать, чем отомстить благодетелю. Тому научили его Платоны, Хризиппы, почтенные перипатетики, стоики и краснословы. К тому привели его и геометрическое равенство, и уроки о справедливости, и правило: предпочитай лучше терпеть, нежели наносить обиду. Сие преподали ему благородные наставники, сподвижники царской власти и законодатели, которых набрал себе на перекрестках и в пещерах,²² в которых не нравы одобрял, но дивился сладкоречию, а может быть и не тому, но единственно нечестию – достаточному советнику и наставнику, что делать и чего не делать. И подлинно, не достойны ли удивления те, которые на словах строят города, каких на деле быть не может; которые едва не кланяются, как Богу, величавым тиранам и при своей надменности ставят овал выше богов? Одни из них учат, что вовсе нет Бога; другие, что Бог не промышляет о земном, но что все здесь влечется

²¹ Юлиана.

²² Под перекрестками и пещерами Св. Богослов понимает места, на которых Юлиан со своими наставниками приносил бесам жертвы и совершал различные гадания.

без цели и случайно; иные говорят, что всем управляют звезды и роковые созвездия, не знаю кем и откуда управляемые; другие же полагают, что все стремится к удовольствию и что наслаждение составляет конец человеческой жизни. А добродетель для них одно громкое имя; по словам их, ничего нет за настоящей жизнью, никакого после истязания за дела здешней жизни, в пресечение неправды. Иной из их мудрецов вовсе не разумел сего, но был покрыт глубокой, так сказать, тиной и непроницаемым мраком заблуждения и неведения; его разум и столько не был очищен, чтобы мог взирать на свет истины, но, пресмыкаясь в дольном и чувственном, не способен был представить что – либо выше демонов и рассуждать о Творце достойным Его образом. А если кто и прозирал несколько, то, имея руководителем разум, а не Бога, увлекался более вероятным и тем, что, как ближайшее, скорее обращает на себя внимание черни. Что же удивительного, если вышедший из такого училища, управляемый такими кормчими, когда вверили ему власть и почтили его саном, оказался столько злым против вверившего и почтившего? А если можно защищать одного, обвиняя другого, то восставила его против установленного порядка и побудила искать свободы высокоумию не столько, думаю, скорбь о брате, в котором видел он противника себе по вере, сколько то, что не терпел усиливающегося христианства и злобствовал на благочестие. Надобно, как они учат, чтобы философия и царская власть сходились вместе, но не для прекращения, а для умножения общественных зол. И первым делом его высокомерия и высокоумия было то, что сам на себя возложил венец, сам себя почтил высоким титулом, которое не как случайную добычу, но как награду за добродетель дает или время, или приговор царя, или, что бывало в прежние времена, определение сената. Но он не признает господина в царстве господином раздаваемых почестей. А, во – вторых, увидев, что первая дерзость доводит до необходимости поддержать свое высокоумие, что еще замышляет? До чего простирается в нечестии и наглости? Какое неистовство! Он вооружается против самого Констанция и ведет с Запада войско под предлогом оправдать себя в принятии царского венца, потому что наружно скрывал еще свое высокоумие. Но в действительности замышляет захватить в свои руки державу и удивить свет неблагодарностью. И не обманулся в надежде.

Да не дивятся сему не постигающие недомыслимой глубины Божиих распоряжений, по которым все совершается! Да не дивятся предоставляющие мироправление Художнику, Который, конечно, премудрее нас и творение Свое ведет, к чему и как Ему угодно, без всякого же сомнения – к совершенству и уврачеванию, хотя врачуемые и огорчаются! По таким распоряжениям и он²³ не возбужден на зло (Божество, по естеству благое, нимало не виновно во зле, и злые дела принадлежат произвольно избирающему злое), но не удержан в стремлении. С быстротой протек он свои владения и часть варварских пределов, захватывая проходы, не с намерением овладеть ими, но чтобы скрыть себя; уже приближается к царскому дворцу, осмелившись на такой поход, как говорили его единомышленники, по предведению и по внушению демонов, которые прорекали ему будущее и предустраивали перемену обстоятельств. Но, по словам не скрывающих истины, он явился в срок, назначенный для тайного и сокрытого во мраке злодеяния; поспешил ко дню смерти, которой сам был виновником, тайно поручив совершить злоумышление одному из домашних. А потому здесь было не предведение, но обыкновенное знание, простое злодейство, а не благодеяние бесов. Сколько же бесы проникательны в таких делах, ясно показала Персия. И пусть умолкнут те, которые поспешность его приписывают бесам; разве их делом назовем и то, что он был злобен! Если бы кончина царя не предшествовала нашествию мучителя и тайная брань не производилась сильней открытой, то злодей узнал бы, может быть, что поспешал на собственную погибель, и прежде, нежели вразумлен поражением у персов, понес бы наказание за свое высокоумие в римских пределах, в которые злонамеренно дерзнул вторгнуться. И вот доказательство! Когда еще он был в пути и думал, что намерения его неизвестны, воинство могущественнейшего царя окружает его и пресекает

²³ Юлиан.

ему даже возможность к побегу. (Так показало последствие; ибо и по получении державы ему стоило не малого труда одолеть сие войско.) И в сие самое время, пылая гневом на высокоумие и нечестие, имея в сетях хитрейшего из людей, на пути к месту действий (подлинно велики грехи наши!) государь, после многих прошений к Богу и людям – извинить его человеколюбие, оставляет жизнь, своим походом доказав христианам ревность о благочестии.

И здесь, приступая к продолжению слова, проливаю слезы, смешанные с радостью. Подобно тому, как река и море между собой борются и сливаются, – и во мне происходит борьба – и слияние, и волнение чувствований. Последние события исполняют меня удовольствием, а предшествовавшие извлекают у меня слезы – слезы не только о христианах и о напастьях, какие их постигли или навлеченные лукавым, или попущенные Богом по причинам, Ему ведомым, и, может быть, за наше превозношение, требовавшее очищения, но также слезы и об его²⁴ душе, и о всех увлекшихся с ним в ту же погибель. Иные оплакивают одни последние их поражения и здешние страдания; потому что имеют в виду одну настоящую жизнь и не простираются мыслью в будущее, не думают, что будет расчет и воздаяние за дела земной жизни, но живут подобно бессловесным, заботятся о текущем только дне, об одном настоящем, одними здешними удобствами измеряют благополучие и всякую встречающуюся неприятность называют несчастьем. Но для меня достопаечнее будущее их мучения и казнь, ожидающая грешников. Не говорю еще о величайшем наказании, то есть о том, сколько для них будет мучительно отвержение их Богом. Как не пролить мне слез о сем несчастном? Как не оплакивать бежавших к нему более, нежели тех, которые были им гонимы? И не больше ли еще должен я плакать об увлекшем в беззаконие, нежели о предавшихся на сторону зла? Даже гонимым страдать за Христа было вовсе не зло, а самое блаженное дело, не только по причине будущих воздаяний, но и по причине настоящей славы и свободы, какую они приобрели себе своими бедствиями. А для тех, что претерпели они здесь, есть только начало уготованного и угрожающего им в будущем. Для них гораздо было бы лучше, если бы долее страдали здесь, но не были соблюдаемы для тамошних истязаний. Так говорю по закону, который повелевает не радоваться падению врага и от того, кто устоял, требует сострадания.

Но мне опять должно к нему обратить слово. Что за ревность превзойти всех во зле? Что за страсть к нечестью? Что за стремление к гибели? Отчего сделался таким христоненавистником ученик Христов, который столько занимался словом истины, и сам говорил о предметах душеспасительных, и у других поучался? Не успел он наследовать царства, и уже с дерзостью обнаруживает нечестие, как бы стыдясь и того, что был некогда христианином, или мстя христианам за то, что носил с ними одно имя. И таков первый из смелых его подвигов, как называют гордящиеся его тайнами (какие слова принужден я произнести!): он воду крещения смывает скверной кровью, наше таинственное совершение заменяя своим мерзким и уподобляясь, по пословице, свинье, валяющейся в тине; творит очищение над своими руками, чтобы очистить их от бескровной Жертвы, через которую делаемся мы участниками со Христом в страданиях и Божестве; руководимый злыми советниками зловредного правления, начинает свое царствование рассматриванием внутренностей и жертвоприношениями.

Но, упомянув о рассмотрении внутренностей и о суеверии или, точнее сказать, зловерии его в таких делах, не знаю, описывать ли мне чудо, разглашаемое молвой, или не верить слухам? Колеблюсь мыслью и недоумеваю, на что преклониться, потому что достойное вероятия смешано здесь с невероятным. Нет ничего невероятного, что при таком новом явлении зла и нечестия было какое – нибудь знамение; да и неоднократно случались знамения при великих переломах. Но чтобы так было, как рассказывают, это весьма удивительно для меня, а конечно, и для всякого, кто желает и считает справедливым, чтобы чистое объяснялось чисто. Рассказывают же, что, принося жертву, во внутренностях животного увидел он Крест в венце. В других

²⁴ Юлиана.

возбудило сие ужас, смятение и сознание нашей силы, а наставнику нечестия придало только дерзости; он протолковал: Крест и круг значат, что христиане отовсюду окружены и заперты. Сие – то для меня чудно, и ежели это неправда, пусть развеется ветром; если же правда, то здесь опять Валаам пророчествует, Самуил, или призрак его, вызывается волшебницей, опять бесы невольно исповедуют Иисуса и истина обнаруживается через противное истине, дабы тем более ей поверили. А может быть, это делалось и для того, чтобы его удержать от нечестия, потому что Бог, по Своему человеколюбию, может открывать многие и необыкновенные пути ко спасению. Но вот о чем рассказывают весьма многие и что не чуждо вероятия: сходил он в одну из недоступных для народа и страшных пещер (о, если бы тем же путем сошел он и во ад, прежде нежели успел столько в зле!); его сопровождал человек, знающий такие дела, или, лучше сказать, обманщик, достойный многих пропастей. Между прочими видами волхования употребляется у них и тот, чтобы с подземными демонами совещаться о будущем где – нибудь во мраке, потому ли, что демоны более любят тьму, ибо сами суть тьма и виновники тьмы, то есть зла; или потому, что они бегают благочестивых на земле, ибо от встречи с ними приходят в бессилие. Но когда храбрец наш идет вперед, его объемлет ужас, с каждым шагом становится ему страшнее; рассказывают еще о необыкновенных звуках, о зловонии, об огненных явлениях и, не знаю, о каких – то призраках и мечтаниях. Пораженный нечаянностью, как неопытный в таком деле, он прибегает ко Кресту, сему древнему пособию, и знаменуется им против ужасов, призывает на помощь Гонимого. Последовавшее за сим было еще страшнее. Знамение подействовало, демоны побеждены, страхи рассеялись. Что же потом? Зло оживает, отступник снова становится дерзким, порывается идти далее – и опять те же ужасы. Он еще раз крестится – и демоны утихают. Ученик в недоумении; но с ним наставник, перетолковывающий истину. Он говорит: «Не устрашились они нас, но возгнушались нами». И зло взяло верх. Едва сказал наставник – ученик верит, а убедивший ведет его к бездне погибели. И не удивительно: порочный человек скорее готов следовать злу, нежели удерживаться добром. Что потом говорил или делал он или как его обманывали и с чем отпустили – пусть знают те, которые посвящают в сии таинства и сами посвящены. Только по выходе оттуда и в душевных расположениях, и в делах его видно было беснование, и неистовство взоров показывало, кому совершал он служение. Если не с того самого дня, в который решился он на такое нечестие, то теперь самым явным образом вселилось в него множество демонов; иначе бы напрасно сходил он во мрак и сообщался с демонами, что называют они вдохновением, благовидно превращая смысл слов. Таковы были первые его дела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.